

СПЕЦНАЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ВИКТОР
КАРПЕНКО

ЯРЫЙ
КНЯЗЬ

Спецназ Древней Руси

Виктор Карпенко

Ярый князь

«Яуза»

2019

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Карпенко В. Ф.

Ярый князь / В. Ф. Карпенко — «Яуза», 2019 — (Спецназ
Древней Руси)

ISBN 978-5-00155-023-5

Бек XIV. Русь под гнетом золотоордынских ханов. Но в то же время вольные молодцы из Новгорода Великого – «ушкуйники», регулярно совершают набеги в низовье Волги, освобождая из полона русских людей и заставляя ханов выплачивать им дань. Ярослав – простой ушкуйник, благодаря своему уму и воинскому умению, становится предводителем ватаги отчаянно храбрых бойцов. С ними Ярослав проходит через владения Волжской Булгарии, Золотой Орды, Литвы, Тевтонского ордена... Огнем и мечом он завоевывает обширные земли, становится князем болгарским и князем ордынским, но остается верен своей Родине и своему народу.

УДК 82-311.6

ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00155-023-5

© Карпенко В. Ф., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

Книга 1. На острие меча	7
Часть I. Князья суздальские	7
Глава I. Князь Дмитрий	7
1	7
2	9
3	12
Глава II. Кострома	13
1	13
2	14
3	18
Глава III. Долг платежом красен	19
1	19
2	20
3	21
4	22
Глава IV. Братья	24
1	24
2	26
3	27
4	29
5	30
6	31
Глава V. Хлыновские повольники	32
1	32
2	33
3	36
4	39
5	40
6	42
7	43
Глава VI. Сарай-Берке	44
1	44
2	46
3	48
4	48
5	50
Часть II. Великое княжество нижегородское	54
Глава I. Ярослав	54
1	54
2	58
3	59
Глава II. Булгар	60
1	60
Глава III. Пленник	61
1	61
2	63

Конец ознакомительного фрагмента.

66

Виктор Карпенко

Ярый князь

© Карпенко В.Ф., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Книга 1. На острие меча

Часть I. Князья суздальские

Глава I. Князь Дмитрий

1

Полторы сотни всадников, кутаясь в походные плащи и укрывая лица от ледящего, пронизывающего до костей ветра, с трудом преодолевали версту за верстой голой степи. Снега почти не было, и потому то, что стелилось под ветром, больше напоминало серую, языками скользящую по остывшей земле пыль. Солнце, высокое, окружённое радужными кругами, словно замерло на блёклом небе.

Ткнув перстом вверх, один из всадников с раздражением заметил:

– К вечеру мороз ещё крепче будет, а если ветер не стихнет – смерть нам... загинем.

– Что ты, Андрей, заладил: «загинем... загинем»... Поспешать надобно. До очередного яма¹ ещё вёрст десять.

– То-то и оно, что десять. Не так много, но лошади подустали. Дойдут ли?

– Наши бы не дошли, а эти, татарские, к степи привычные, и к холоду тоже, дойдут.

– Ты посмотри, как князь Константин скукожился. Замерз совсем, – кивнул князь суздальский Андрей на едущего впереди ростовского князя.

– А поделом ему. Нечего соваться наперёд старших. Дмитрию-то московскому и девяти ещё нет, а они, бояре московские да князья ростовские, его на великокняжеский стол поставят нороят!

– Тише ты! – махнул рукой на своего младшего брата князя Дмитрия Андрей. – Не дай бог, услышит...

– Пусть слышит. Нам таиться нечего. Хан Невруз Володимир нам отдал.

– Не нам, а тебе, – возразил князь Андрей.

– Пусть так, – согласился Дмитрий Константинович. – Но поначалу-то хан тебе ярлык² дал. Почему ты не согласился на великокняжеский стол, до сих пор не пойму.

– Я уже сидел во Владимире, посиди и ты. А мне и Нижнего Новгорода с Суздаем достанет.

Помолчали.

Суздальским князьям в Орде пришлось не сладко. Ехали они за ярлыком на владимирский великокняжеский стол в Орду к хану Бердибеку. Страшились хана. Тот, чтобы самому сесть на трон великих монгольских ханов, убил отца и двенадцать родных братьев. Но когда приехали в Берке-Сарай – новую столицу Золотой Орды, встречал их хан Кульпа. Не прошло и недели, как правитель Западной Орды хан Невруз сместил вероломного Кульпу и сам стал великим ханом.

В конце февраля 1360 года великий хан принял суздальских князей, обошёлся с ними ласково и дал ярлыки на просимые земли. Добивались встречи с ханом и посланцы москов-

¹ Ям – специально оборудованное место, где происходила смена лошадей.

² Ярлык – грамота, письменный указ хана Золотой Орды.

ского князя Дмитрия, но тот предпочёл отдать улус Джучи³ в руки тридцатипятилетнего суздальского князя, а не девятилетнего московского.

– Приедем на ям – сниму брони⁴ и более надевать не стану. Всё тепло из тела вытянули, – сокрушённо выдохнул князь Андрей.

– Всё так, – согласился Дмитрий. – Да только под ними спокойнее. Дружина наша числом малая, могут и позариться...

– Кто? Татары?

– Может и татарвя. У них ноне беспокойно. Третий хан за полгода во главе Орды. Шатко всё...

– погоди! – остановил младшего брата князь Андрей. – Никак дозор. Не содеялось ли чего? – показал он рукой в сторону быстро приближающихся всадников.

Вскоре, вздыбив перед остановившимися князьями коня, старший дозора на выдохе доложил:

– Засада! Татары! Сотни три, а то и более. Винюсь, всех не разглядел. В ложбине, что сходит к Волге, затаились.

– Почто решил, что засада? – недоверчиво спросил князь Андрей. – Татары на своей земле, чего им таиться?

– То-то и оно, что на своей земле... Чего им таиться? – вопросом на вопрос ответил гридь и смешался, поняв, что ответил князю неподобающе. Но тот, озабоченный услышанным, даже не обратил внимания на дерзость.

– Что делать будем? – обратился Андрей к князьям и подъехавшим ближе боярам, состоявшим при князьях в посольстве. – Может, отойдём в степь подальше и минуем сие место, – предложил князь.

– Ты старший, тебе и решать, – подал голос князь Константин. – Хотя чего там решать, поздно... Бона татары...

Ещё мгновение назад перед глазами была голая степь, и вдруг, словно из-под земли, стали появляться всадники. По двое-трое они выезжали из распадка и быстро отъезжали в сторону, уступая место другим. До татар было более версты.

– Пока из ложбины не вылезли, да лавой на нас не пошли, надо самим навалиться, – предложил князь Дмитрий.

– А может, татары не по наши души? – неуверенно произнёс князь Андрей, лелея надежду на благоприятный исход неожиданной встречи, но Дмитрий, решительно рубанув рукой, пресекал сомнения:

– Нечего гадать! Татары коварны и не зря затаились. – Он обернулся к дружине и, пересиливая ветер, крикнул: – Впереди ворог! Животов наших домогается! Мёртвые сраму не имут, так не посраим же Земли русской! – Выхватив меч из ножен, продолжил: – Идём клином! Строя не размыкать! – и, подстегнув лошадь ударом каблуков сапог, крикнул: – За Русь!

Князь устремился вперёд и ни разу не оглянулся, знал, что всё будет исполнено в точности. И правда, ранее ехавшие в колонну по трое, дружинники умело перестроились в клин, в острие которого шли лучшие княжеские гриди-двуручники⁵.

Татар всё прибывало и прибывало. Но, ожидая, когда всё войско выберется на ровное место, они не предпринимали никаких действий по отражению удара русской дружины. И только когда из распадка вынырнул княжеский бунчук⁶, татары начали вытягиваться в линию, но было уже поздно. Клин взрезал татарскую конницу и развалил на две части, расширяя

³ Улус Джучи – так татары называли завоёванную Русь.

⁴ **Брони** – доспехи.

⁵ Гриди-двуручники – воины княжеской охраны, действовавшие двумя мечами одновременно.

⁶ Бунчук – символ власти военачальника; своеобразное знамя – конский хвост на конце копья.

брешь, сметая вставших на пути татарских воинов. Описав дугу, клин вновь вонзился в массу только что выдвинувшихся из распадка татарских всадников. Повторного удара татары не выдержали и рассыпались по степи, спасая свои жизни. Их не преследовали.

На поле брани осталось больше сотни убитых и ещё больше раненых татар. От пленных дознались, что бельдибек⁷ Ратихоз по приказу хана Хидербека должен был захватить в плен русских князей или убить их. Княжеская дружина потеряла в схватке только девятерых воинов и три десятка гридей получили ранения.

– Ноне бог за нас, – перекрестился князь Андрей, обозревая поле скоротечной битвы. – Нет! Я погожу брони снимать. Ты прав, брат Дмитрий: лучше помёрзнуть, чем вот так, – кивнул он в сторону погибших.

Подойдя к стоявшим чуть в отдалении братьям Константиновичам, князь Константин ростовский предложил:

– Может, лошадей переловить, вон их сколь мечется. Мечей, луков собрать, рубахи кольчужные поснимать с убиенных. Им ни к чему, а нам сгодятся.

– Нет! – твёрдо произнёс князь Дмитрий. – Кони мечены, а татарские мечи нам не по руке. Пока татары не прознали про сражение, надо поспешать к яму. Там и обогреемся, и лошадей сменим.

– А что с убиенными гридями делать? – подошёл с вопросом княжеский воевода Даниил Скоба. – Земля что камень, могил не выкопать. А в степи бросить – волки обгложут. Не похристиански...

– С собой повезём. В плащи заверните и на заводных⁸ лошадях приторочьте. Да на ямах к лошадям с убиенными татар не подпускайте, – распорядился князь Дмитрий. Он всё больше входил в роль великого князя владимирского. – Да дозоры не только вперёд направо, но и боковые выставь. Не дай бог одумаются татары да соберутся до кучи. А их, почитай, сотни три ещё осталось, и князя Ратихоза ни среди раненых, ни среди убиенных нет. Воля-то ханская им не исполнена...

Вскоре место кровавой схватки опустело. Лишь беснующийся ветер выхолаживал последнее тепло из оставленных в распадке раненых татарских воинов... и не было им спасения.

2

Стольный град Владимир встречал нового великого князя настороженно. Каким он будет? Не обложит ли ещё большей данью, чтобы расплатиться с татарами за великокняжеский стол? Не заберёт ли кормильцев в дружину и не поведёт ли их на своих соседей, вымещая давние обиды или расширяя границы княжества? Прежний-то великий князь, московский князь Иван Иванович, был тих, смирён, добропорядочен, дань взимал умеренную, народ владимирский защищал и берёг. Каким будет Дмитрий – князь суздальский? За три года безвластия владимирцы отвыкать стали от твёрдой княжеской руки, а потому въезд суздальского князя в стольный град прошёл обыденно, без колокольного звона и праздничного застолья. У лавок, на улицах и площадях города владимирцы судачили:

– А князь-то Димитрий лицом хорош. Телом дороден, статен. И княгиня Анна ему под стать: голубоглаза, русоволоса, лицом румяна, глядит ласково.

– Говорят, что Анна-то из Ростова, дочка князя ростовского Константина, – горячо тараторила дородная, краснощёкая торговка из калачного ряда. Ей вторила соседка-лоточница, такая же бойкая и острая на язык:

⁷ Бельдибек – татарский князь.

⁸ Заводные лошади – запасные.

– Чего говорить, всем взяла княгиня. А детишек-то у неё четверо: трое сыновей и две дочки – Машка и Евдошка. Младшенькой-то седьмой годок пошёл. Махонькая такая, тоща, я её, надысь, видела.

– Чего раскудахтались! – оборвал не в меру разошедшихся женщин проходивший мимо базарный сторож Ермила. – Видели, сколь дружины привёл князь в город? О! Пять сотен! Молоди почти нет. Мужики в годах, строги, угрюмы. Они-то быстро порядок в Володимире наведут!

– Типун тебе на язык! – отмахнулась лоточница. – Наведут так наведут... Хуже, чай, не будет.

– Поживём, поглядим, как оно будет. Одно верно: князь Димитрий не чета князю Ивану московскому. Этот строг, при нём не забалуешь...

– Иди, иди... Проваливай давай! – зашипели на сторожа торговли. – Нам всё едино: что Иван, что Димитрий. Главное, чтобы хлебушко покупали справно да зерно в цене было.

Склонив головы друг к другу, торговли зашептались, а сторож, махнув на баб рукой, подался восвояси.

Князь Димитрий Константинович круто взялся за владимирцев. Воротных сторожей он заменил дружинниками, тиунов⁹ и сборщиков податей изгнал, поставив на их места мужиков суздальских. Боясь притеснений, московские бояре со скарбом и семействами ушли из Владимира на Москву, а вместо них в городе появились бояре суздальские и нижегородские. Сумма мыта¹⁰ была повышена, причём купцы, как владимирские, так и пришлые, платили налог вдвойне. И только после этого князь решил заняться делами личного свойства: 22 июня 1360 года Димитрий Константинович был возведён на великокняжеский стол.

Только став великим князем владимирским, Димитрий Константинович ощутил шаткость своего высокого положения. Покорность младших князей и целование креста на верность лишь на время укоротили их стремление самим занять владимирский стол и безраздельно властвовать в Северной Руси.

– Почему так? – не единожды высказывал своё возмущение самой верной советчице и терпеливой слушательнице княгине Анне. – Не щадя жизни я ратую за дела княжества, за молодых князей готов голову сложить, земли им дал в кормление, а они всё на Орду смотрят и ждут не дождутся, чтобы сесть на великокняжеский стол. Что князь Иван стародубский, что Димитрий галицкий, что Михаил ярославский, не говоря уже о тверских князьях. А Димитрий московский... Отрок, девяти лет ещё нет, а туда же... в великие князья метит.

– Не бери на сердце думы эти тяжкие, – успокаивала великого князя жена. – Не со злого умысла, не по злобе они власти возжелали, а по неведению. Не знают князья, сколь тяжела великокняжеская ноша. А что до Димитрия московского, так он мал ещё, неразумен. За него бояре московские дела ведут, да наставник его и духовник митрополит Алексей. Хоть и грех то, но скажу: не след ему в мирские дела вступать, поди, и церковных дел вдосталь.

Князь, согласно кивнув, нервно заходил по горенке.

– Князья возвышения хотят – дело понятное. Но вот что обидно: послухи¹¹ доносят, что родной брат Борис не раз говорил, что и ему по плечу великокняжеский стол...

– Его не страшись, – перебила княгиня Димитрия Константиновича. – Родная кровь... чай, не выдаст. А вот ростовского князя Константина и московского Димитрия остерегайся. Москва силу набрала...

– Да знамо мне это, душа моя. Одно не пойму: Земля московская бедна – ни тебе лесов зверем богатых, ни тебе рек и озёр, рыбой наполненных, ни земель пахотных с обильными

⁹ **Тиун** – судья.

¹⁰ **Мыто** – налог.

¹¹ **Послухи** (доглядчики) – разведчики.

хлебными нивами, а всё богатеют князья да бояре московские. Торгов и тех нет в Земле московской...

– А чего тут понимать? Всё открыто. Иван Калита, Симеон да Иван Красный обобрали Русь до нитки, оттого и мощна московская полна серебра. А сколь добра они из Новгорода Великого да Пскова вывезли – один Бог знает.

– И то верно, – в очередной раз согласился князь Дмитрий с женой, – ни совести, ни чести не ведают... И Дмитрия бояре московские також по кривой дорожке ведут. Каким-то он князем станет, когда в силу войдет?

– Не наводи на отрока напраслину, – всплеснула княгиня руками. – Мал ещё Дмитрий. Спаси и сохрани его, Господи! – торопливо перекрестилась на образа Анна. – Ты вот над чем подумай: как игумена Печёрского монастыря Дионисия из Нижегородских земель к себе во Владимир заполучить. Подвижник веры Христовой, и дал ему Бог силу необоримую. Он любит тебя, и помощником бы тебе был верным.

– Эко что удумала, – рассмеялся великий князь. – Да разве его князь Андрей отпустит?! И митрополит Алексей не позволит ему возвыситься...

– А при чём здесь владыка Алексей? Нижний Новгород под Суздальской кафедрой.

– Всё так, – кивнул князь Дмитрий. – Только митрополит во Владимир не допустит Дионисия. Верь слову моему: ты в нём силу, Богом данную, узрела, и Алексей не без глаз.

Подобные разговоры княжеская чета вела часто. Советуясь с женой, великий князь словно проверял на ней свои планы, совершённые деяния, а на княжеский совет, на который приглашались не только младшие князья, но и бояре, воеводы, он выносил уже готовые решения. То, что главным советчиком в делах княжеских стала его жена, Дмитрий Константинович скрывал, дабы не быть осмеянным, ибо княжеские жёны редко покидали женскую половину теремов. Холили мужей, рожали детей, вместо мирских *дел* предпочитая дела богоугодные. Княгиня же Анна была не только любящей женой и матерью, но и умной, прозорливой женщиной. Князь Дмитрий гордился княгиней и любил её безмерно.

Как-то ближе к концу августа из Нижнего Новгорода от князя Андрея пришла тревожная весть: на Волге объявились разбойники, именующие себя ушкуйниками. На своих лодках-ушкуях они поднялись вверх по Волге, взяли приступом болгарский город Жукотин, разграбили и сожгли его. Правитель Булгарии хан Булат-Тимур грозитя в отместку пойти в Русские земли.

«Кто же такие эти ушкуйники, что смогли взять на копье целый город? – размышлял великий князь, читая и перечитывая свиток. – Булгарские воины оружны, бронями укрыты, ратному делу обучены, да и стены, поди, в Жукотине высоки... Откуда же они взялись? Может, и не из Руси ушкуйники вовсе? Никто из молодых князей не рискнул бы пойти на болгар, да и подготовку войска к походу не утаишь... Что делать?» – ломал голову князь.

Угрозы хана Булат-Тимура нависли грозовой тучей над Русью. Великий князь понимал, что сил противостоять Булгарии у него нет, ибо хан мог привести не только немалое болгарское войско, но и у великого хана попросить помощи. А тот, не дай бог, воспримет нападение на Булгарию, как оскорбление, да сам двинет тумены на Русь.

Дмитрий Константинович, вызвав к себе в терем боярина Семёна, ведавшего доглядчиками – и дальними, и ближними – указал перстом на свиток:

– Читай! – И когда боярин поднял голову от свитка, спросил: – Что молчишь?

– Весть нова, а про ушкуйников мне ведомо. То новгородские молодцы. Ходили за зипунами в северные моря в Скандинавию. Но это было лет двадцать тому, и ноне те молодцы уже зрелые мужи. Им, поди, не до разбойных походов.

– Так кто же взял на копье Жукотин? – вспыллил Дмитрий Константинович.

– Не ведаю, великий князь. Но дознаюсь, – заверил боярин Семён.

Не прошло седмицы¹², как боярин доложил князю обстоятельства похода ушкуйников в Волжскую Булгарию.

3

Почти две тысячи охочих молодцев набралось в ватагу ушкуйников. Долго спорили, куда пойти походом: одни настаивали идти на татарский город Укек – торговый, богатый, с числом жителей до десяти тысяч, но большинство ватажников, знавших по рассказам отцов и дедов о богатых городах болгар, прокричали поход в устье Камы. Здесь стоял город Джокетау, по-русски прозывавшимся Жукотином. Рать вести доверили умному, в меру осторожному, хорошо знавшему ратное дело молодому боярину новгородскому Александру Абакуновичу, а в помощники ему определили купца Анфима Никитича. Бояре и купцы новгородские, ссудив деньгами ушкуйников, надеялись не только вернуть долги, но и получить прибыль, ибо сами были в доле с молодцами. А потому снаряжали ватажников всем необходимым в достаточном количестве: и оружием, и доспехами, и продовольствием, а главное – быстрыми, легкими лодками-ушкуйями на шесть-восемь гребцов каждая. Размещалось на ушкуне два десятка молодцов да немало поклажи.

Водой шли скрытно, больше ночами, до поры до времени не открываясь даже в русских землях, но если встречался татарский купеческий караван или купеческая барка, то брали суда на абордаж и, освободив от товаров, суда топили вместе с хозяевами.

Жукотин взяли лихим налётом, рано утром, лишь только открылись городские ворота для выгона скота на пастбище. Воротные сторожа даже сполох поднять не успели, а немногие очаги сопротивления были подавлены отрядами ушкуйников, грабившими город. И хотя воеводы предупреждали ватажников от чрезмерного усердия, Жукотин в нескольких местах запылал пожарами.

Нагрузив ушкуи награбленным, ватажники ушли восвояси.

– И где же они теперь? – не скрывая тревоги и раздражения, спросил князь Дмитрий Константинович боярина Семёна, поведавшего ему о походе разбойных людей на Жукотин.

– В Костроме, государь. Зипуны добытые пропивают.

– Вон оно как... А ты вот что мне скажи: так ли ушкуйники сильны, что болгары им отпора дать не смогли? – озадаченно произнес князь. На что Семён, неспешно поглаживая окладистую бороду, со значением ответил:

– Жукотинцы не ждали этакой напасти. Городок-то их далёк от порубежья. Что до ватажников, то дерзки разбойники, смерти не страшатся, потому как молоды и глупы.

– Только их молодость и глупость может большой кровью для Руси обернуться, – больше для себя, нежели для боярина Семёна, произнёс князь Дмитрий. – Хан Булат-Тимур подобного оскорбления не потерпит.

Вскоре из Золотой Орды прибыл посол. Через него хан Хидыбек выказал своё неудовольствие русскими князьями и потребовал от них выдать головами разбойников, разоривших город Джукетау.

По зову великого князя владимирского Дмитрия князь нижегородский Андрей Константинович и ростовский Константин с дружинами спешно выехали в стольный град Владимир.

¹² Седмица – неделя.

Глава II. Кострома

1

Под Владимиром на берегу Клязьмы разбит военный лагерь. С высоты городских стен и башен горожане с неослабеваемым интересом рассматривали небывалое доселе представление.

– Бона, вишь ты, шатры княжеские под яркими бунчуками. Что слева – то нашего князя Дмитрия Константиновича, а тот, что справа, его брата – князя нижегородского Андрея, – обстоятельно рассказывал ранее бывавший на стене гончар Фока – дородный, краснощёкий, благодушный.

– И ещё один, – обрадованно тыкал перстом в сторону реки мальчишка лет пяти. – С голубым вершием!

– То князя суздальского шатёр. А батюшки нашего вон тот, что слева, крайний, ближе к вязу.

– Махонький какой, – разочарованно протянул малыш.

– Как у всех. Он, чай, не князь, сотник всего.

– Вот я, батяня, вырасту и тож в ратники подамся. Уж больно у них железо блестит, и комонь к тому же...

– Вырасти поначалу, а там уж решим, кем тебе быть: горшки лепить или мечом махать, – рассмеялся Фока, обнимая сына за плечи.

Уже прошло две седмицы, как пришли под Владимир княжеские дружины из Нижнего Новгорода, Суздаля, Городца, да и владимирская дружина была выведена за стены города, а все бездействовали.

«Чего собрали князя воинский люд?» – ломали головы владимирцы. Одни поговаривали, что поход на татар князя затеяли, другие – воевать болгар вознамерились, третьи – на Литву пойдут. Знающие возражали. «На какую Литву?! Припасу на неделю пути, вот и прикидывай, куда путь держать будут». Да и сами дружинники тоже толком ничего не ведали, а когда их о том спрашивали приходившие в лагерь для обмена или продажи горожане, только пожимали плечами.

Лишь князя да ближайшие воеводы знали истинную причину задержки: ждали приезда татарских и болгарских послов. Хан Хидыбек приказал учинить ряды¹³ над ватажниками, пограбившими болгарский город, виновных же выдать головами. А чтобы все было без обмана, послал из Орды мурз да пять сотен конных воинов для их охраны и сопровождения ватажников на правез¹⁴.

Князя тоже томились ожиданием.

– Доколе стоять под стенами володимирскими? Прознают ушкуйники... и поминай как звали! Ищи их потом по Руси! – горячил кровь Константин ростовский.

Более спокойный и рассудительный князь нижегородский Андрей Константинович его успокаивал:

– Не уйдут. Чего им от хмельного меда да от сладких баб костромских уходить... Пока не пропьются, с места не стронутся. Ты-то вот сам, коли б не нужда, ушел бы из вотчины? Да от княгинюшки? От детишек?

– Я – нет! А они-то, поди, молодцы не женатые. Им, что Кострома, что Володимир – всё едино.

¹³ Ряды – суд.

¹⁴ Правез – судебное разбирательство и расправа.

– А ведь ты прав, князь Константин, – подал голос, сидевший доселе в глубокой задумчивости, Дмитрий Константинович. – Простые-то ватажники уйдут – беда не велика, а как воеводы ушкуйников подадутся до родных мест?! Не будет повинных голов, свои подставлять придётся. Так что надо бы в Кострому человека послать, чтобы упредил, коли что... Эй, – позвал князь Дмитрий стоявшего у входа в шатёр молодого широкого в кости гридя, – найди Даниила Скобу. Пусть поспешит!

Вскоре воевода великого князя владимирского уже перетапывался у входа. Внимание трёх князей ему было лестно, но и напрягало изрядно.

– Мы порешили, Данило Петрович, доглядчика в Кострому направить. Молодого, резвого да умного. Есть опасения, что разбойные прознают про ряды да разбредутся. Есть ли таков на примете?

– Есть, государь, – тряхнул кудлатой бородой воевода, – и молод, и сноровист, и... – сделав многозначительную паузу, добавил, – и глазаст. Батюшка его – купец новгородский, и сам он, хотя и молод, а при торговом деле состоит. Мне сыновцем¹⁵ приходится, – не без гордости заметил Даниил Петрович.

2

Ярослав входил в Кострому через Волжские ворота. На удивление, воротных сторожей он не увидел, а на вопрос «Куда подевались воротные псы?» проходивший мимо горожанин мимолетом бросил:

– С разбойными... и сами в разбой подались!

– А как же воевода Александр? Он-то куда глядел? – недоумевая, протянул Ярослав, и тут же, правда уже другой костромич, пояснил:

– Сидит в тереме, заперся, глаз не кажет. Ватажники пригрозили, что на воротах повесят, коли веселиться мешать будет, вот он взаперти и сидит, – рассмеялся прохожий. – А ты откель такой любознательный выискался? – поинтересовался он в свою очередь.

– Новгородский я. По торговому делу.

– То-то говор приметный. Твоих земляков среди ватажников несчитано, поди, все... Вот к говору-то и привыкать начали.

– А где же их, земляков-то, искать?

– Так везде... Где хмельная брага льётся, там и ищи. Тебе-то, чай, кого из знакомцев надобно? – спросил словоохотливый костромич, на что Ярослав доверительно спросил:

– Купца Анфима Никитича не встречал?

– Оно куда хватил: Анфима Никитича... Он у ватажников за воеводу. Правильный мужик, – похвалил прохожий. – Ты его на дворе купца Михаила Игнатича поспрошай. Да поспеши. Проходил я мимо, видел во дворе купца людно, да и коней десяток топотят у коновязи.

– Спасибо тебе, добрый человек, – благодарно поклонился Ярослав.

Двор купца Михаила Игнатьевича Ярослав отыскал быстро. И правда, ворота были распахнуты настезь, а во дворе толпились десятка два мужиков.

Анфима Никитича Ярослав узнал не без труда: в Новгороде неприметный, здесь же он больше напоминал боярина – и одеждой, и осанкой, и поведением, и даже лицо стало строже, а взгляд оценивающе-властным. До Ярослава донёлся его голос:

– Выводи коней! Со мной едет десяток Никифора. Остальные без надобности, – и, направившись в сторону ворот, нос к носу столкнулся с новгородцем.

– Никак Ярослав! Ну-у, дела... Ты чего здесь? – спросил он, не скрывая удивления.

¹⁵ Сыновец – племянник.

– Здрав будь, Анфим Никитич, – поклонился молодец. – Меня батюшка послал... К тебе...

– Оно как. Но дело-то, чай, не спешное? Ты где стал на постой?

– На посаде. У батюшкиного знакомца, вернее родича, правда, дальнего...

– Поедешь со мной, – не терпящим возражения тоном, произнес Анфим Никитич. – По пути поговорим. Эй, – обернулся он к следовавшим за ним ватажникам, – дать молодцу коня!

Выехав за городские ворота, десяток всадников направился берегом Волги.

– Так с чем тебя послал Тихон Семёнович? – поравнявшись с Ярославом, негромко спросил Анфим Никитич.

– Батюшка прознал о походе на болгар... И что поход тот принёс ватажникам прибыль немалую...

– Прибыль у купцов, у нас же добыча, – поправил Анфим Никитич.

– В общем, батюшка хочет получить хотя бы половину долга. Ведь за сотню, что батюшка оснащал, ты поручился.

– А почто твой отец заторопился? Уговор был расчёт по осени произвести...

– Все так, Анфим Никитич. Только батюшка тревожится, как бы ватажники не спустили всё до нитки...

– Хитёр Тихон, – усмехнулся в бороду воевода ушкуйников. – Добре! Получишь всё сполна! – И, помолчав, спросил: – А не боишься с серебром возвращаться? Путь-то не близок...

– А кого мне бояться? Я-то с деньгами не поеду. Тут вскорости через Кострому обоз с солью пройдёт, с обозниками и переправлю денежки. Сам же здесь останусь. Батюшка велел.

– Батюшка велел... – передразнил Анфим Никитич Ярослава, – а сам чего же? Вон каков вымахал молодец, и дело тебе надобно молодецкое. Иди в ватагу. Себя покажешь, земли иные посмотришь, и серебра-то поболее в мошну положишь, чем от торговлишки.

– Я, Анфим Никитич, благодарен тебе за заботу, токмо подумать надобно.

– Ну, думай, думай...

– А далече ли путь держим? – поинтересовался Ярослав.

– Почитай, уже приехали. За тем поворотом, – повёл рукой воевода. – Лес тут хорош: сосны высокие, ровные, да и лиственница встречается. Вот мы ушкуи на Изломе и строим. Народишку прибывает, для него лодии надобны, – пояснил Анфим Никитич.

Вскоре лес расступился, и взору Ярослава открылся вид на волжский простор, песчаный откос, на котором лежало на боку несколько десятков больших лодок. Некоторые из них были подняты на бревна и закреплены упорами, вокруг них копошился народ, дымили костры, пахло смолой.

– Работает народец, а присмотр всё едино надобен. Ушкуи смолят... Дело это непростое и важное. Чай, поход-то не последний. А для нас ушкуи, что лошадь для степняка, без неё никак, и нам без лодий нет хода, – рассмеялся воевода.

– А строят-то где, не видать, – закрутил головой Ярослав.

– Сразу не увидишь. Это чуть дальше, за лесом, за косой, где Излома в Волгу втекает. Здесь поглядим, как дело движется, и на Излому поедем. Ещё увидишь умельцев наших, подивуешься. Топорами машут так, что глаз не отвести...

Всадники осторожно спустились с высокого берега на откос. Встречающиеся мужики скидывали шапки и кланялись поясно.

– Здрав будь, Анфим Никитич!

– И вам здоровья, – откликнулся на приветствие воевода.

Ярослав отметил, что поклоны мужики отвешивали не по принуждению, как не раз он наблюдал в Новгороде, когда мужику встреч двигался боярин, а с уважением. «Знать, в чести воевода у ватажников! А в Новгороде глянулся просто: купец как купец, коих немало было

в окружении отца». Идя рядом с воеводой, Ярослав не без интереса отмечал, как со знанием дела Анфим Никитич разговаривал с мастеровыми, как любовно поглаживал борта ушкуев, мимо которых проходил. Когда же все работные собрались вокруг приехавших ватажников, Анфим Никитич, приложив руку к груди, произнёс:

– Много сделано, добротнo, за то вам, мастера, низкий поклон. Одно прошу: поспешите. Ушкуи нам вскоре занадобятся. Вы уж порадейте. Вижу, работы много. Так вы среди местных умельцев поищите. Посулите денег. Сколь запросят – столь отдам! – твёрдо закончил свою речь воевода.

Когда вновь сели на лошадей, Ярослав не утерпел с вопросом:

– А что, Анфим Никитич, поход вскорости намечается?

– Будет поход. Да ты никак решил с нами податься?

– Не решил ещё, но уже охота одолевает.

– Ну-ну, – ухмыльнулся в бороду воевода. – Тот-то ещё будет, когда ты молодцов наших в доспехе да с оружием увидишь. Это тебе не княжеские дружинники, одно слово – ушкуйники.

Еще издали Ярослав услышал перестук топоров, а вскоре увидел верфь ушкуйников. На пологом берегу Изломы, некогда поросшем травой, а ныне вытоптанном до пыли, среди ошкуренных и неошкуренных стволов деревьев, чадящих и пылающих костров, ошестинившихся, словно рёбрами, начатых и уже белеющих бортами готовых ушкуев, работало до двух сотен человек. Заметив, как азартно горят глаза у Ярослава, Анфим Никитич поинтересовался:

– Доселе видел, как лодии строят?

– Не довелось, – тряхнул кудрями молодец.

– Дело то непростое, попервой не познаешь. Ну да ладно, смотри, – повёл рукой воевода, – видишь на брёвнах, что на земле, брус лежит? То киль будущего ушкуя. Поверх него наложена широкая доска – это основа для поясов обшивки. Она крепится с килем деревянными нагелями, концы которых расклиниваются. Вот те бруски, что стоят вертикально с небольшим уклоном наружу, – штевни. Они соединяются с килем клинцами. Их вырубают из цельного ствола с углом толстой ветви. Потом ставят толстые ветви с прогибом, с наружной стороны их чуть стесывают, чтобы к ним плотнее прилегала обшивка. А там уж и борта обшивают сосновыми или из лиственницы досками. Вон тот ушкуй, что слева, почти готов, только доски поперек закрепить, то для гребцов, и мачту поставить. И все – спускай на воду. Рассказал-то я просто, да только не каждому дело это по уму и по руке. Ты, Ярослав, вот что: оглядись тут, а у меня дела, – и воевода, подозвав кого-то из мастеровых, удалился в сторону уже готовых ушкуев.

Мимо Ярослава, с трудом переставляя ноги, невысокий кряжистый мужик тащил на плече короткий, но объемистый ствол дерева. То ли груз был велик, то ли мужик слабосилен, но сопел он натужно с придыхом.

– Пособил бы, – не поднимая головы, прохрипел работный.

Ярослав, метнувшись к страдальцу, подсел под бревно и подставил плечо. А так как ростом он был намного выше работного, то бревно поднялось над плечом мастерового.

– Куда нести?

– Пошли, милoк, тут недалеко, – глухо ухнул мужик и устало вытер пот со лба тряпицей, что свисала с пояса. – Рядышком тут. Вот славно-то, вот Господь послал помощника, – запричитал он. Мужик едва поспевал за широко шагавшим новгородцем. – Пришли. Клади здесь, – показал он на лежащие под навесом такие же короткие, но уже ошкуренные брёвна, и когда Ярослав освободился от груза, работный любовно похлопал ладонью по стволу: – Живое, тёплое... Хорошее из него чудо-юдо выйдет.

– Что за чудо-юдо? – удивился Ярослав.

– Это такие головы звериные, что на носу лодий ставят. Неужто не видел?

– А-а-а, вон оно что... Приходилось. Я же из Новгорода. Чего там только не видел... И заморские суда, и наших мореходов...

– А ушкуи морские видел? – поинтересовался мужик.

– Не приходилось, врать не буду.

– А я не токмо видел, но и сам помогал строить. Мальцом тогда ещё был, отцу помощником, а он у меня мастер знатный. Про поход дружины Луки Варфоломеевича супротив шведа слышал?

– Слышал. Так то было лет сорок тому...

– Я и говорю, мальцом тогда ещё был. Ушкуи для дружины делали знатные: борта высокие, мачты крепкие, палубы, руль навесной... Ушкуи-то те в Бело-море хаживали и еще далее в самый что ни на есть Ледовитый океан. Шведов побили, добра взяли немало. Через три года опять походом пошли, ещё дальше, аж до самих норвегов, и тож побили. Я уже постарше тогда был – помню, как мужиков Господин Великий Новгород встречал... Э-эх, было время, – с грустью произнес мужик. – Мне бы годков эдак двадцать скинуть...

– Так ты вроде и ноне с ушкуйниками.

– Нет. Это мы с Новгорода пришли землякам пособить в постройке ушкуев. Завершим дело, и домой... А страсть как хочется жизни вольной хлебнуть, душу потешить... Не всё татарве над нами измываться...

– Неужто на татар ватажники пойдут? – удивился Ярослав. – Не убоятся? Татар-то тьма. Вон сколь земель под ними.

– Не убоятся, – уверенно произнёс мужик. – В Булгарии татар бивали и далее спуску не дадут. Крепки духом молодцы, в отцов и дедов пошли, – не без гордости заметил мужик. – А ты, чай, не с нашим братом, не с ватажниками? Видел я, что ты с Анфимом Никитичем приехал...

– Всё так. Я только ноне в Костроме объявился. Дело у меня...

– Дело, значит... Ну-ну, – не скрывая разочарования, поднялся с бревна мастеровой. – Заболтался я с тобой. Ты иди, земляк. У меня тоже дело...

– Тебя как зовут-то? – уже уходя, спросил Ярослав.

– Игнатом кличут. Будешь в Новгороде, на Ильине улице спроси кого, меня там все знают, избу покажут. Гостем будешь... – и, выткнув из бревна топор, направился к группе мужиков, ошкуривавших сосновые стволы.

В Кострому вернулись поздно вечером. Анфим Никитич Ярослава не отпустил, а пригласил к себе отведать хлеб-соль. За столом купца Михаила Игнатьевича собралось народу немало: кроме воевод тянули хмельной мёд из чаш сотники и даже кое-кто из простых воинов.

Когда еде и питью было отдано должное, со своего места поднялся боярин Александр Абакунович. Ростом высок, телом дороден, голосом зычен. Его русые густые волосы стянуты узкой кожаной петлей, на шее тяжёлая золотая цепь, пальцы в перстнях, отсвечивающих камнями. Несмотря на жару в трапезной, одет он был в парчовый кафтан, подбитый мехом. Взгляд цепкий, властный... Боярин Ярославу не глянулся. И хотя Александр Абакунович был новгородцем, в Новгороде Ярослав его ни разу не встречал.

– Братья мои, – загремел боярин голосом, заставив всех замолчать. – Ведомо мне, что хан Золотой Орды осерчал на нас за поход на Жукотин, повелел князьям головами выдать...

За столом мужики зароптали, возмущаясь услышанным.

– Да только не пойдёт русич на русича, а вот мы на татар пойдём! Князья головы свои склонили под татарские сабли, а мы сами татар склоним, до самой земли, и в землю, даст бог, вгоним! Так, мужики?

– Так! Правду говоришь! Любо нам!

Ярославу стало страшно. Во Владимире от своего дядьки-воеводы он слышал другое: что не время ещё подниматься на татар, силён враг – и кроме крови пролитой напрасно, это ни к чему не приведёт. А тут...

– Через две седмицы лодии, что ноне в работе, будут готовы, – продолжал Александр Абакунович. – Довольно молодцам бражничать, пора и делом заняться. Знамо мне, что вниз по Волге город богатый стоит – Бельджиман, а там еще один город – Укек прозывается, тож недалече. Так что на нагл век городов татарских хватить. Не так, мужики?

– Веди! Пустим кровя татарве! – послышались одобрительные выкрики, народ зашумел, потянулся к ендовам с мёдом. – Тебе верим, боярин, веди на татар!

«Две седмицы. Всего две. Как же донести весть до Данилы Петровича? Самому нельзя, хватится Анфимий Никитич. Через обозников? Так те с солью еле ползут... Что же делать?»

– Ты чего такой смурной? – прервал размышления Ярослава воевода. – Радоваться надо – поход вскорости. Или ты всё ещё не надумал с нами идти?

– Надумал. Токмо воин из меня нукудышный. Силы много, а умения ратного никакого, – развёл руками Ярослав.

– Ничего. Обучу. И кольчугу тебе подберу, и меч дам по руке. Воином-то быть куда как славно, а то... по торговым делам... Ты торговлю отцу оставь, ему сподручнее. Ноне ешь, пей, а завтра начну из тебя воина делать, – и воевода от души приложился ладонью по широкой спине молодца.

3

Слишком вольготно жилось ушкуйникам в Костроме. Не чаяли они на родной земле познать беду, а она пришла неожиданно-непрошено. Нашлись среди костромичей люди верные великому князю владимирскому, открыли городские ворота и впустили дружины княжеские. Дружинники вязали ватажников во множестве и на воеводский двор стаскивали. Немногих из ушкуйников миновала уготованная им князьями участь. Среди схваченных в доме купца Михаила Игнатьевича оказался и Ярослав.

– А боярин-то, Александр Абакунович, ушёл. С ним улизнуло мужиков с сотню, а то и поболее, – тихо переговаривались ватажники. – Да и с Изломы сотни три ушло. Чай, в беде-то нас не оставят.

С рассветом ушкуйники разглядели, что повязанных не так уж много – сотен пять-шесть, а значит, из города большая часть ватажников ушла. Досадно только, что многие бежали без доспехов и оружия, которое держали сотники в определенных местах под охраной: опасались, как бы ватажники, охмелев, не порубили бы друг друга. Теперь это опасение вышло для ватажников боком. Их повязали почти без сопротивления.

День прошёл в тягостном тревожном ожидании. Поговаривали, что вместе с князьями в город вошло несколько сотен татар и отряд болгарских улан. К плененным сердобольных костромских баб, принесших в кашолках еду, не допустили. Только после полудня на площади появились князья. Оглядев плененных ватажников, великий князь владимирский Дмитрий Константинович распорядился:

– Мужиков развязать, дать воды. Воевод и иных начальных людей найти и привести на правёж.

Дабы избежать ненужных волнений среди ватажников, воевода Анфимий Никитич вышел сам, за ним последовали сотники. Их окружили княжеские дружинники и повели в сторону ближайшей к воеводскому терему башне, подле которой располагалась пытошная изба.

На следующий день состоялся суд. Перед воеводским теремом за ночь соорудили помост, на котором под знаменами поставили три кресла. В центре сел великий князь владимирский Дмитрий Константинович, справа от него расположился его старший брат князь нижегород-

ский Андрей, слева – князь ростовский Константин. Поодаль за столом разместились тиун княжеский и писцы. Слева в окружении воинов стояли послы татарские и болгарский князь Ази Билуг – посланец хана Булат-Тимура. Он-то и был главным обвинителем ушкуйников. Суд вершился споро: Анфимия Никитича и ещё сорок двух начальных людей, заковав в железа, передали послу хана Хидыбека для суда и расправы. Остальных же ватажников, приведя к кресту, пустили вольно. Те не замедлили оставить город. С ними ушёл и Ярослав.

Глава III. Долг платежом красен

1

На луговине, что сползала к реке Изломе, собрались уцелевшие после рядов ушкуйники, и хотя пострадали от княжеского суда немногие, на Излому пришло не более четырех сотен. Кто-то из ватажников ушёл в Новгород, а кто-то по лесам прячется, спасаясь от княжеского гнева.

На притащенный из окружавшего луговину леса обрубок дерева взобрался боярин Александр Абакунович. Все-таки ночь захвата княжескими дружинниками ушкуйников не обошлась без крови: рука боярина была на перевязи, да и голова стоявшего рядом с ним воеводы Дмитрия Сапы была охвачена набрякшей от крови тряпицей.

– Что ж, братья мои, наказал нас Господь за гордыню, чрезмерное питьё и житьё разгульное... Проворонили дружины княжеские, – разнёсся над понуро стоявшими ушкуйниками зычный голос Александра Абакуновича. – Думали, что на родной земле вольно жить будем и сам великий князь володимирский нам не указ. Ан нет! Ткнул нас Димитрий Константинович рылом в землю, и поделом! Впредь остерегаться надобно и своих, и нехристей-бусурман. Жаль вот токмо братьев, что головами выданы татарве. А посему – не защита нам князья! Верно ли я говорю? – обратился боярин к притихшей толпе.

– Верно! Всё так! – разноголосо отозвались ушкуйники.

– А не помститься ли нам за обиды, князьями причинённые, за наших братьев, татарам отданным на расправу?!

– Пустим кровя дружинникам! – уже дружнее подхватили ватажники. – Покажем князьям, чья воля!

– Одно плохо, – продолжил Александр Абакумович, – много оружия и зброи осталось в Костроме. А с голыми руками нам дружины княжеской не одолеть. Надобно в Новгород возвратиться, народишку понадёжней набрать, оружия прикупить... а там можно и на Волгу! Благо дело ушкуи все целы, на воду спущены, нас дожидаются. Все ли со мной согласны? – обозрел толпу ватажников боярин.

– Веди, Александр Абакунович!

– Ты нам воевода – тебе и решать!

Боярин смахнул с головы шапку, перекрестился и крикнул в гомонящую толпу ушкуйников:

– Так тому и быть! С богом, братья!

Ярослав был среди ватажников. Он внимал речи боярина и был с ним согласен: подло поступили князья, ночью напали, повязали безоружных... А суд и подавно... вспомнить стыдно: не суд, а судилище, во всем потакали суздальские князья болгарскому князю Ази Билугу. Но Ярослав понимал и другое: с ушкуйниками ему не по пути. Торговое дело в Новгороде крепко налажено. Отец в летах, уйдёт в мир иной, ему всё достанется. Тут уж не до походов за зипунами, о своём деле думать надобно. И потому, когда ватажники устремились к

излучине Изломы, где сиротливо стояли ушкуи, Ярослав приотстал, а представился момент – юркнул в кусты.

2

Княжеские дружины Костромы ещё не покинули, и потому на улицах былолюдно и шумно. Ярослав с большим трудом отыскал княжеского воеводу Данилу Петровича Скобу, который по-хозяйски распоряжался погрузкой на подводы собранного по дворам оружия ушкуйников. Увидев племянника, воевода призывно махнул рукой, и когда тот приблизился, с облегчением выдохнул:

– Слава тебе, Господи! В здравии. Ты где же, племяш, пропадал? Я тебя в городе обыскался. Грешным делом, подумал, не загинул ли...

– Жив-здоров. Прости, что раньше не сказался. Был среди ватажников... – оправдываясь, виновато произнёс Ярослав. – Ты же наказал мне втае быть: ниже травы, тише воды...

– И то верно. Всё верно сделал. Ты мне вот что скажи: со мной пойдёшь или здесь дела есть?

– Коли позволишь, с тобой пойду. Токмо вести нехорошие довести хочу про ватажников, – снизил голос до шёпота Ярослав. – То князей касаемо.

– Пойдём. С великим князем сведу. Токмо ты уж, племяш, не оплошай, поведай всё как есть.

Великий князь Дмитрий Константинович перед уходом из Костромы в очередной раз строго наказывал костромскому воеводе Александру Щеличеву. Тот стоял перед ним склонив голову, тяжело и шумно дышал, раз за разом торопливо смахивая пот со лба.

– Большую часть оружия и зброи ватажников оставлю тебе. Ты же, употреби его с умом: помимо дружинников, что под твоим началом, ополчи ещё сотен пять мужиков, одень их, корми справно, делу ратному обучи.

– Всё сполню, как велишь, государь, – затряс кудлатой бородой воевода Щеличев.

– И вот ещё что: ворота, что на Волгу выходят, хлипковаты. Укрепи. Буду в городе, спрошу. Да ты, воевода, по-хозяйски осмотри крепость – вал поднови, стены, заборала-то¹⁶ вона дырами светятся...

Александр Щеличев только пыхтел да кивал согласно головой. И как не кивать: грозен великий князь, спросит строго, коли что.

– А людишек, что помогали дружинникам моим вязать разбойных, ты одари: кому зерна отсыпь, кому медяков... Да не скупись! – погрозил перстом великий князь. – В другоряд мужики те помощниками тебе верными будут.

В дверь горницы заглянул боярин Никита. Кашлянув в кулак, он пробасил:

– Прости, государь, воевода Данило на слово просится. Впускать или пождёт?

– Зови, – и, обернувшись к Александру Щеличеву, приказал: – Иди да помни, что я тебе наказал. И зла на меня не держи.

Щеличев поклонился поясно и устремился к двери, но на пороге горницы воеводы сошлись. Оба дородны, широкоплечи, уперты, уступать друг другу не хотят – и если бы не боярин Никита, так бы и стояли набычась. Двинув плечом Данилу Петровича и отпихнув внушительного размера чревом Александра Щеличева, боярин протиснулся в дверь горницы.

– Государь, дружина на молебен стала, владыка тебя дожидается.

– Буду, пушай ждёт. Эй, Данила Петрович, заходи. Или дело неспешное?

Воевода поклонился поясно.

¹⁶ Заборала – деревянная надстройка для защиты воинов, стоящих на стенах крепости, от стрел противника.

– Не один я, великий князь. Племяш со мной. Дозволишь ли?

Дмитрий Константинович кивнул.

Впервые Ярослав видел князя так близко. Русоволос, сероглаз, лоб высокий, открытый, нос тонкий, прямой, усы и борода с проседью, хотя и лет-то всего великому князю владимирскому неполных тридцать шесть. Оглядев молодца, князь строго сдвинул брови.

– Говори.

Поклонившись, Ярослав торопливо поведал:

– Был я по велению твоему, государь, у ватажников. Задумали они помститься за то, что учинил ты в Костроме. Пошли в Новгород Великий сил набраться, а по весне опять придут на Волгу.

– Да, нужно было всех ватажников в железа взять, тогда бы и мститься некому было, – перебив речь Ярослава, зло бросил князь. – Кто у них за атамана?

– Боярин Александр Абакунович.

Помолчав, князь распорядился:

– Ты, молодец, пожди за дверью, а я тут с воеводой поговорю малость, – махнул рукой Дмитрий Константинович, и когда Ярослав вышел, продолжил: – Боярина до Новгорода не допускать. Неча ему народ баламутить. Ушкуйникам Твери не миновать. Там ты их встретишь. Как мне послухи донесли, разбойные без оружия и зброи... Так что бери три конных сотни и поспедай. Ушкуйников не желей! Кровь на мне!

Оставшись один, Дмитрий Константинович перекрестился на образа, висевшие в красном углу горницы, и чуть слышно произнёс:

– Верно ли поступаю, Господи. Прости мои заблуждения, коли что не так. Не со злого умысла творю сие, а не могу поступить иначе.

В горницу уже в который раз заглянул боярин Никита.

– Ты уж прости, государь... владыка торопит.

– Иду, – решительно поднялся со скамьи Дмитрий Константинович. – Владыко пождёт, а вот дружину томить не след!

3

Как ни спешил воевода Данило, а остался ни с чем. Видно, и у ушкуйников свои глаза и уши в Костроме имелись, а может, и среди княжеских дружинников. Не повёл свои ушкуи боярин Абакунович мимо Твери. Он ушёл на Белоозеро, а там знакомцы лесными тропами провели повольников в Новгород.

Родной город встретил ватажников неласково. Уходили молодцы одеты, обуты, оружны, полные надежд на обогащение, а вернулись из похода без оружия и богатства, что добыли в Волжской Булгарии. Одно сдерживало гнев бояр и купцов, что ссудили серебром ватагу повольников, расчёт должен быть произведён с благодетелями по истечении года, а ноне и полгода не прошло. С приходом ватажников, немало слёз пролилось в семьях новгородцев, не дождавшихся из похода кто мужа, кто сына. Безрадостными были встречи и вернувшихся в здравии – возвратились-то с пустыми руками!

Александр же Абакунович предстал для ответа перед Советом господ. Епископ Анисим – глава Совета – был строг, долго хмурился, насадно пыхтел, теребя лежащую на внушительном чреве панагию.

– Без благословения моего и без одобрения Совета пошли вы на болгар и потому вернулись битыми! – наконец, с раздражением выдавил он из себя.

– Не булгарами, владыка, дружинниками великого князя... Нечестно, обманом в полон взяли повольников, – возразил епископу Александр.

– Не дерзи! Лучшие мужи Господина Великого Новгорода пред тобой, – возвысил голос епископ Анисим. – Ты с ватажниками душу потешил, силу молодецкую выказал, а городу за дела ваши урон: великий князь владимирский за всю Русь перед Ордой ответ держит...

– Знамо мне о том, владыка. Ведомо и то, что за стол великокняжеский князья суздальские готовы Русь в жертву принести!

– Не тебе судить князей! – гневно выкрикнул один из членов Совета.

Другой – боярин Селивестр, ведавший сбором пушной дани в городскую казну и потому неизменно богатый, прогудел словно сполошный колокол:

– Ты, Александр Михалыч гонор-то свой уйми! Не дело говорить так с Советом. Ты-то, чай, не посадская гольтьба, нашего корню, боярского. И мы, будучи молодыми, хаживали на ушкуях... Да токмо не по своим землям... Своих не зорили!

– И мы також крови русичей не пролили, каб не князья...

– Тот-то и оно, – возвысил голос епископ. – Сколь с Новгорода великие князья взяли за последние десять лет? А вы своими делами не токмо своих князей под стены градские привести можете, но и у татар ноне причина есть в русские земли наведаться, кровушкой земельку напитать, баб да детишек обездолить. Вы об этом подумали?

Уронил голову на грудь боярин Александр, опустил очи долу. Такие мысли в голову ранее не приходили.

Тишина нависла во владычной палате, где проходило заседание Совета. Хмурили брови бояре: знали, что коли тяжёлая година выпадет, им придётся изрядно растрясти мощной. Даже те бояре, что ссужали ушкуйников деньгами, по-новому взглянули на рискованное предприятие, так неудачно закончившееся, подсчитывали потери.

– Ты вот что, Александр Михалыч, подумай над тем, что услышал здесь, – нарушил тягостное молчание владыка. – Вина твоя велика. Но Господь всемилостив... Иди. Мы же подумаем, что делать Господину Великому Новгороду, коли великий князь владимирский спрос учинит.

А поздно вечером во двор Александра Абакуновича пожаловал боярин Аникей, который доверительно сообщил, что коли великий князь обиду выкажет, Совет от повольников откредитится. Что же касается долга ватажников перед купцами и боярами, то он за ними. И, коли ушкуйники в новый поход наладятся, то деньжата найдутся, была бы отдача. А ведать про то Совет не ведаёт и ведать не хочет.

4

На Белоозере собрались до полутора тысяч ватажников. Боярин Абакунович нашел тех, кто ссудил серебром, а покупка оружия и зброи – дело времени – купцов, готовых поставить всё необходимое войску, было более чем достаточно.

Как только сошёл на реках лёд, семьдесят ушкуев, гоня носами пенные буруны, заскользили по волжской воде. Шли не таясь, сознавая свою силу и правду.

Кострома готовилась к встрече незваных гостей. Воевода Александр Щеличев, помня наказы великого князя владимирского, спешно укреплял крепостные стены, чистил осевший от талой воды ров, поднимал земляной вал. Но время текло, словно сухой песок в растопыренных пальцах, – быстро и неумолимо. Когда же ушкуи показались ввиду города, воевода смог выставить на стены и башни только четыре сотни дружинников. Поглазеть на ватажников вышли на стены и горожане, но как только в сторону города полетели первые стрелы, их словно ветром сдуло.

К городским воротам неспешно подошел дородный ушкуйник в отсвечивающей синевой кольчуге, шишаке¹⁷ и длинным свейским¹⁸ мечом в руках.

– Эй, Кострома неразумная, отвори ворота! – зычно выкрикнул он, указывая острием меча на запертые створки. – Нам ждать недосуг. Откроете ворота сами – никого не тронем, заберём своё и уйдём. Будете противиться – никого не пощадим!

В ответ послышались гневные крики, полетели стрелы. Но, ударяясь в пластины кольчуги, отскакивали, не причиняя вреда: то ли зброя была хороша, то ли стрелки неважные.

Ушкуйник, а это был сотник Ермила Стопуд, выразительно провёл ладонью по горлу, показывая, что их ждёт в ближайшем будущем, и всё так же неспешно направился к ещё высаживающимся с ушкуев ватажникам.

Защитники города с робостью и страхом, но не без интереса взирали с высоты стен на тех, с кем ещё недавно бражничали и водили дружбу. «Эх! Если бы не князь!» – не раз пожалели о содеянном костромичи. Между тем ватажники без суеты и глума построились в сотни и широкой колышущейся лентой от реки двинулись к городу. Не доходя до стен на полет стрелы, из своих рядов они выкатили стоящие на невысоких колесах какие-то диковинные деревянные, обитые железом, штуковины.

– Что за каракатицы? – недоумевали на стенах. – Ложка на веревках...

Но воевода Щеличев уже видел подобное у татар и потому с нескрываемой дрожью в голосе выкрикнул:

– Воды! Воду несите! Много воды!

Ничего не понимающие дружинники лишь недоуменно тарасили глаза на своего воинского начальника, не двигаясь с места.

– То катапульти! Сейчас огнём швыряться начнут!

И правда, через несколько мгновений щелкнули странные деревяшки на колесах, освобождаясь от груза, и в сторону крепостных ворот полетело два глиняных горшка. Ударившись об обитые железными полосами деревянные створки, горшки разлетелись, а по дубовым плахам поползла тягучая тёмная масса. И всё... Ничего не произошло. Стоявшие ближе к воротам на стенах защитники города начали хохотать, бранясь и выкрикивая:

– Вы что, совсем глузду¹⁹ лишились?! Горшками стен не пробить!

Но ушкуйники, что были при катапультах, не обращая внимания на оскорбления, оттянули вниз рычаги в виде ложек, и, положив в углубления еще по горшку, запустили глиняные ядра в сторону ворот и стен. Сделав ещё несколько выстрелов, они укатили странные орудия за строй ватажников.

И опять ничего не произошло: на стенах всё так же гоготали защитники, воевода всё так же торопил дружинников с доставкой воды к воротам, а ушкуйники стояли под стенами, ничего не предпринимая.

И ещё раз перед воротами появился Ермила Стопуд. Пересиливая гомон на стенах, он выкрикнул:

– Откройте ворота! Вот те крест, не тронем! – размахисто перекрестился сотник. – Мы не хотим крови! Мы не домогаемся животов ваших!

Но только угрозы и оскорбления неслись ему в ответ.

– Видит Бог, вы сами выбрали судьбу, – больше для себя, нежели чем для костромичей, произнёс Ермила и, обернувшись к ушкуйникам, махнул рукой. И тут же к воротам и стенам города, гудя оперением, понеслись несколько сотен стрел, наконечники которых были обмотаны пеньковой нитью, пропитанной горючим маслом. Они несли огненные языки. И как

¹⁷ Шишак – вид боевого шлема.

¹⁸ Свейский – немецкий (шведский).

¹⁹ Глузд – ум.

только горящие стрелы достигли облитых горючей жидкостью ворот и части городских стен, те занялись пламенем, с каждым мгновением разрастаясь, охватывая всепожирающим огнём заборала и переходные мостки. Только тогда до дружинников дошло, зачем воевода требовал воду, и вода появилась, но слишком поздно. Огонь перекатывался с одного бревна на другое, расплываясь вдоль стен, а вскоре занялись и дворы внутри крепости.

Недолго продержались крепостные ворота: догорающие плахи рассыпались тысячами искр и упали под ударами найденного здесь же, на пристани, толстого дубового бревна, которое нападающие использовали в качестве тарана.

Ушкуйники ворвались в город.

Первым ватажники разграбили и сожгли воеводский терем. Самого Александра Плещева они не нашли, хотя и горели большим желанием повесить воеводу на городских воротах, как грозились ранее. Грабили купцов. Досталось и Михаилу Игнатьевичу, хотя у него на постое стоял сам ушкуиный воевода Анфим Никитич в первый приход повольников в Кострому. Но кто помнил об этом в горящем, вопящем от страха и боли, окроплённом кровью городе. Ведь ушкуйники рубили всех, кто оказывал хоть малейшее сопротивление.

Натешившись вволю и нагрузив ушкуи награбленным добром, ватажники оставили горящий город.

Не минула горестная судьба, уготованная ватажниками, и Нижнего Новгорода. Город был разграблен и частично сожжен. Об одном сожалели ушкуйники: князя Андрея не оказалось в городе. Накануне он уехал в Суздаль – родовое гнездо Константиновичей.

Глядя на вознесшийся на волжских кручах город, боярин Абакунович, уже стоя на корме ушкуя, не без сожаления произнес:

– Знать, не судьба встретиться с князем Андреем. Ничего, чай, не последний раз в этих местах. Ещё помстимся сполна!

Глава IV. Братья

1

В горенке терема жарко натоплено. На широкой лавке, застеленной медвежьей шкурой, развалясь, расположился великий князь владимирский Дмитрий Константинович. Сытая и обильная трапеза разморила его, глаза слипались, а голова безвольно, раз за разом падала на грудь.

– Ты бы пошёл в опочивальню да отдохнул. Чего себя изводить, – участливо предложила княгиня Анна, видя, как муж борется со сном. – А то и здесь, на лавке, приклони голову.

– Нет, голуба, – встрепенулся князь. – Погожу. С ближней заставы донесли, что брат Андрей поспешает, так что пожду. Должен быть вскорости.

– Чего это он? Не случилось ли чего? – забеспокоилась княгиня, откладывая в сторону рубаху, что вышивала узор по вороту красными нитками. – Из Новугорода Низового путь не близок...

– То-то и оно. Да по зимнику... В такую-то непогодь, – кивнул князь на заиндевшее слюдяное оконце. – Кой день позёмка крутит...

Дмитрий Константинович поднялся с лавки, потянулся до хруста и подошёл к окну.

– Ветер-то как завывает... Надо бы наказать истопить баньку. Андрею с дороги косточки погреть самое дело. Промёрз ведь поди, – произнёс князь и направился было к выходу, но княгиня Анна его остановила.

– Уже истоплена. Я ещё с утра распорядилась, – довольная собой, пояснила княгиня. – А ну как ты захочешь себя парком потешить. На семи травах парок-то, как ты любишь.

Князь улыбнулся и, присев на лавку, на которой расположилась с шитьём жена, полуобнял её.

– Сколь живу, а всё удивляюсь: за какие-такие дела дал мне Господь такую жену?

Анна засияла улыбкой в ответ и прижалась спиной к горячей груди мужа.

– Оно как взопрел! Сними кафтан, не то потом изойдёшь. Тогда уже не токмо братцу твоему банька занадобится, но и тебе.

– погоди, – остановил напевную речь Анны князь Дмитрий, прислушиваясь. – Никак конский топот?

– Почудилось. За ветром разве услышишь...

– Точно на дворе гомонят.

Князь резко поднялся и устремился к двери.

– Накинь шубейку! – донеслось вслед. – Вот неугомонный! Просквозит ветром, потом поясницей мучиться будет, – больше для себя, нежели для выскочившего за дверь мужа, раздосадовано воскликнула княгиня и тоже поднялась с лавки. – Надобно дорогого гостя идти встречать. – Настёна! – позвала она прислуживающую ей девку, и когда та застыла на пороге горенки, приказала: – Принеси шубу, что князь Андрей надысь подарил, и скажи нянькам, чтобы княжон нарядили и привели в трапезную. Поди, князь Андрей не без подарков...

Распаренные, разморенные братья сидели на лавке в предбаннике и неспешно потягивали квас. Видя, что Андрей заметно сдал с последней их встречи, Дмитрий участливо спросил:

– Поздоров ли? Иль княгиня Анастасия плохо кормит?

– Здоров. И ем за двоих, токмо думы гнетут. С тем и приехал.

– Зачем сам-то в такую даль тащился?

– Не доверил бумаге мысли свои и тревоги, – медленно проговорил старший брат. – Мне доглядчики из Орды вести принесли, да вести тревожные. Орда раскололась...

– Как это? – невольно вырвалось у Дмитрия.

– На части. Как ледяная глыба на мелкие кусочки. Замятня в Орде. Хана Невруза, что дал тебе ярлык на великое княжество владимирское, убил его родной сын Темир-Ходжа.

– Так он теперь правит Ордой?

– Нет. Я же сказал, что развалилась Орда на мелкие частички: ноне Булгарией правит Булат-Тимур, мордвой – князь Сигизбей, в Хаджи-Тарханы сел Хаджи-Черкес, в Заяицком юрте – хан Алибек, в Сарай-Берке сел хан Мюрид, а на Дону – Абдаллах, на самом же деле там правит его темник Мамай.

– И что с того? Нам-то какое дело до ордынских дел? Выход всё едино платить надо.

– То-то и оно, а кому платить? Абдаллаху, Мамаю или Булат-Тимуру? Все захотят кусок побольше да пожирнее отхватить, – всё больше раздражаясь, выкрикнул Андрей.

– А никому! Мы по осени выход в Орду везли и в эту осень повезём. К тому времени, глядишь, и ханы со столом определятся, – рассудил князь Дмитрий.

– Ты, брат, не на Орду смотри, – снизил голос до шёпота князь Андрей. – Ты на Москву посматривай, на Тверь, на Ростов... На князей своих молодых. Они-то не преминут замятней воспользоваться... Спят и видят себя на великокняжеском столе!

Помолчали. Князь Дмитрий понимал шаткость своего положения – сильна была Орда и, подними он голову, отсекли тут же. А ноне Орда уже не та. Ей, поди, не до Руси.

– Что решил, Димитрий? – прервал молчание князь Андрей.

– Утро вечера мудреней. Пождём, – отозвался младший брат, вставая с лавки. – Ну что, погрелись, пора и честь воздать хмельному. Аннушка, поди, заждалась, да и Мария с Евдокией дядьку ждут не дождутся обнять.

– Сейчас пойдём одеваться. Только ты вот о чем подумай: может стоит упредить князей, да по весне самим на Москву, Ростов... Спеси-то поубавить с молодых...

– Я подумаю, брат. Может и дело ты говоришь, да супротив своих идти грешно, крови прольётся немало...

– А коли на тебя пойдут? Думаешь, меньшей кровью обойдётся? – сдвинул брови князь Андрей. – Уговаривать не буду. Думай и решай!

2

Как в воду глядел князь Андрей. По весне московские бояре отправили посольство к хану Мюриду в Сарай-Берке за ярлыком. Подарков вручено было столько, что хан дал не только ярлык на владимирский стол, но и войско, чтобы не было сложностей у Дмитрия московского стать великим князем.

Ближе к Троице, посадив на коней троих малолетних князей – Дмитрия Ивановича, Ивана Ивановича и Владимира Андреевича, московские бояре с дружиной и ханским войском направились к Владимиру.

У Дмитрия Константиновича не было сил противостоять объединённому войску, и он ушёл в Суздаль. Покинули столицу Владимиро-Суздальского княжества и бывшие с ним бояре. Русско-татарское войско без сопротивления овладело Владимиром. Дмитрий московский сел на великокняжеский стол. Через месяц он вернулся с братьями в Москву, оставив вместо себя наместника.

Не прошло и полугода, как в Суздале появился посол от хана Абдаллаха с ярлыком на великое княжество Владимирское. Хан был очень недоволен князем Дмитрием Ивановичем, что тот принял ярлык от его противника. Ярлык Абдаллаха правильный и даёт законное право на сбор выхода. Но ярлык следует купить. Московские бояре ни мгновение не сомневались и тут же выложили кучу серебра за «правильный» ярлык.

Узнав о покупке ярлыка своего врага, хан Мюрид пришёл в ярость. Как?! Выход с улуса Джучи уйдёт на Дон! Он тут же отправляет ярлык на Великое княжество Владимирское с князем Иваном белозерским князю Дмитрию Константиновичу.

Близок путь из Суздаля до Владимира. С малой дружиной князь Дмитрий уже к концу июля вновь приходит во Владимир и занимает великокняжеский стол. Но правление Землей владимирской было недолгим. Уже через двенадцать дней под стенами стольного города стояла большая рать московская. Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, но и там его достали московские бояре. Они осадили родовое гнездо Константиновичей. Поняв, что противостоять московской дружине не сможет, князь Дмитрий пошёл на переговоры. В итоге он покинул Суздаль и ушел к своему старшему брату Андрею в Нижний Новгород.

Княжеский терем в Нижнем наполнился детским смехом и суетой, которых так не доставало князю Андрею и княгине Анастасии, которым Господь не дал детей. Тверскую княжну Анастасию выдали замуж за двадцатидвухлетнего князя нижегородского Андрея. В ту пору ей было двенадцать лет. Всё своё замужество она стремилась уйти в монастырь, дабы дать свободу своему мужу. Тогда бы он смог жениться и занять потомство, но князь Андрей очень любил свою жену и не позволил ей провести жизнь в монастыре. А сейчас, хотя и скорбные события привели семью его младшего брата в Нижний Новгород, князь Андрей был счастлив. Племянницы – одиннадцатилетняя Евдокия, четырнадцатилетняя Мария – и двенадцатилетний племянник Дмитрий не оставляли в покое своих родственников ни на минуту. Ожила и тихая, словно монахиня, Анастасия. Слово отроковица, она бегала наперегонки с девчонками, играла с ними в куклы и задаривала подарками, доставляя себе ещё большую радость. Князь Андрей же учил своего племянника владению мечом, хотя сам был в этом деле не лучшим наставником. Только князь Дмитрий Константинович не находил себе места. Он не раз уже пожалел, что не послушал своего старшего брата: не окоротил притязания московских бояр на власть и теперь пожинает плоды.

До далёкого Нижнего с большим опозданием доходили новости из Владимира и Москвы, и новости те были тревожнее одна другой. Не верилось, что Дмитрий московский взял волю и власть над ростовским князем Константином и тот смирился. А вскоре в Нижний под защиту князей суздальских пришли изгнанные из своих уделов князя Иван Федорович стародубский и Дмитрий галицкий. Они просили вступить за них и вернуть отобранные земли, но Дмитрий Константинович отказал. Он понимал, что его дружине, даже если поможет воинами брат Андрей, не справиться с московскими боярами и всё больше вмешивающимся в дела княжества Владимирского Дмитрием Ивановичем.

Недолгим было счастье князя Андрея и княгини Анастасии. Ближе к лету Дмитрий Константинович с семейством возвратился в Суздаль. Княжеский терем в Нижнем Новгороде осиротел. Тихо и пусто стало в его горенках, не слышно детского смеха в трапезной, на дворе... Княгиня Анастасия всё своё время проводила в молитве в стоявшем рядом с княжеским теремом соборе Архангела Михаила. В нём было уютно, тихо, а фрески, написанные Феофаном Греком, вносили в мечущуюся душу успокоение. Князь Андрей всё чаще стал посещать Вознесенский Печерский монастырь, ища утешения в молитвах и беседах с игуменом преподобным Дионисием.

Отъезд из Нижнего семьи Дмитрия Константиновича княжеская чета восприняла как беду. А беда не приходит одна. По осени с Поволжья от Бедежа с купцами в Нижний пришла чума. Моровая язва быстро расползлась по Северной Руси. Пожалуй, больше всех от неё пострадали Владимир и Нижний Новгород. Летописец за 1364 годом записал: «Бысть мор велик в Новеграде в нижнем и на всем уезде его, и на Саре и на Кише, люди харкали кровью а иные железюю болезноваху день един или два, или три дни, и мало нецьи пребывшее, и тихо умираху». В день умирало до сотни человек, и отпевать их было некому. В страхе люди устремились в монастыри: вечером их постригали, а утром находили в кельях уже остывшими. И только мор пошёл на убыль, как новая беда обрушилась на Русь. Засуха! Августовское солнце выжгло уже созревающий урожай, трава на пастбищах пожухла, горели леса, торфяники на болотах, от задымленности нечем было дышать. Начался падёж скота. Неминуемо надвигалась голодная зима.

Князь Андрей воспринял это как наказание божье. Он часами простаивал перед иконой Святого Спаса, но не находил утешения. Всё чаще он заводил речь об уходе в монастырь, и всякий раз Анастасия его отговаривала:

– Негоже оставлять свой народ в столь тяжёлое для него время. Господь ниспослал нам это тяжкое испытание, и его надо пережить, помогая друг другу.

– Чем я могу помочь страждущим? Хлебом – его у меня нет, утешением – его надо искать у Господа...

– На кого княжеский стол оставишь?

– Найдутся преемники. Что Димитрий, что Борис...

В конце октября, простившись с женой, ближними боярами и малой дружиной, князь Андрей удалился в Вознесенский Печерский монастырь. Вскоре не стало князя Андрея, а в монастыре появился новый инок Алексей.

Княгиня Анастасия осталась одна, и ничто ей не мешало уйти в монастырь, чего она добивалась все годы замужества, но события начала 1365 года удержали её от столь желанного шага.

3

Спокойно стало на Волге. Сеит-Бей и Булат-Тимур тихо сидели в своих уделах: один в мордовских лесах за Пьяной, другой в Булгаре, накапливая силы, чтобы отстоять земли

от более сильных ханов низовья Волги. Ханы Мюрид и Абдаллах тоже выжидали, исподволь готовя тумены к открытому противостоянию.

Оживилась торговля. Купеческие караваны безбоязненно ходили вверх и вниз по Волге. Главные грабители – ушкуйники – уже два года не заявляли о себе: поговаривали, что повольники ушли за Камень²⁰ на Обь, а там, разделившись, часть подалась на Север до самого Студёного моря, а другая часть – на Юг и прошла по Чагатайскому улусу и северу Китая.

Весть о том, что старший брат князь Андрей ушёл в монастырь, застала Дмитрия Константиновича в Переяславле. Он тут же вернулся в Суздаль и начал готовиться к поездке в Сарай-Берке за ярлыком на княжение в Нижегородском княжестве. Но епископ Суздальский, Нижегородский и Городецкий Алексей отговорил его.

– Отправь с подарками для хана своего старшенького – Василия. Он, несмотря на младость, умён, хитёр и лицом красен. Если его хан в залог оставит – не беда. Возвёрнется. Какой спрос с младеня. А коли ты хану не глянешься или, не дай бог, его жене царице Асан – навечно ордынская земля станет твоей.

Княгиня Анна, как ни тяжело ей было расставиться с сыном, тоже настаивала на посылке в Орду Василия.

Сам же Василий Дмитриевич воспринял решение об отправке его в Сарай-Берке за ярлыком для отца как долгожданное приключение, сулившее ему острые впечатления, открытие новых для него земель.

Получив наставления, загрузив на телеги сундуки с подарками, бочонки с серебром, Василий отправился в путь. Его сопровождали бояре, священники и три сотни дружинников во главе с воеводой Степаном Кучей.

Но князь Дмитрий не знал, что за неделю до выхода снаряженного им посольства в Орду за ярлыком на Великое княжество Нижегородское отправился его младший брат князь городецкий Борис Константинович, возжелавший вопреки устоявшейся традиции передачи власти на Руси самому занять великокняжеский стол. И к моменту приезда в Орду Василия его дядя Борис уже получил желанный ярлык. Он вел себя хитро и вероломно. Князь Борис задарил подарками царицу Асан, зная её страсть к драгоценным камням и украшениям, неровно дышащую к молодым красивым молодцам и имевшую большое влияние на мужа. Утро начиналось с посещения им покоев царицы, прославления её красоты, ума и величия... Не прошло и недели, как князь Борис был удостоен чести лицезреть хана.

Прибывший в Сарай-Берке князь Василий тоже через две недели был допущен в ханский дворец, поразивший его величием и великолепием, этому поспособствовал епископ Сарайский Афанасий. Но Василия пригласили лишь для того, чтобы огласить решение: хан дал ярлык на Великое княжество Нижегородское князю Городецкому Борису Константиновичу, ярлык же на Великое княжество Владимирское – суздальскому князю Дмитрию Константиновичу.

Василий возвращался в Суздаль с великой радостью, которую не скрывал: как же, шёл-то он за ярлыком на Нижний, а возвращается с ярлыком на Владимирское княжество – более богатое, многолюдное и обширное.

«Вот отец-то обрадуется!»

Но Дмитрий Константинович не обрадовался. Поблагодарив сына за привезённый ярлык, он заявил, что отказывается от Великого княжества Владимирского в пользу князя Дмитрия Ивановича московского, сам же будет бороться за Нижний Новгород.

– Княжество по праву моё, и Борис сел на стол незаконно!

– Ведь Владимир богаче и старше молодшего Новграда Нижнего. Почему же ты отказался от него? – недоумевал Василий.

– Лучше иметь Москву в друзьях, чем в супротивниках.

²⁰ Камень – Уральские горы.

Князь Дмитрий отправил посольство во главе с епископом Суздальским Алексием в Москву, решив, что тому будет легче договориться с тёзкой – епископом московским Алексием, – духовным наставником и опекуном князя московского. Посольство же во главе с боярином Никитой он отправил к брату в Нижний Новгород с предложением: разойтись с любовью. Борису он давал в кормление удел Суздальский или Городецкий на выбор, сам же сядет на великокняжеский нижегородский стол.

Андрей отказался уйти по доброй воле.

– Ярлык на княжество мне даден, мне и землёй нижегородской править, – заявил он посольскому боярину. – Брату так и передай. Вольно со стола не сойду!

Борис был настроен решительно. Он спешно принялся укреплять крепостные стены, углублять ров, готовиться к длительному противостоянию.

Посольство в Москву прошло более чем удачно: великий князь Дмитрий Иванович, а следовательно, московские бояре и епископ Алексий, с благодарностью принял ханский ярлык и пригласил князя Дмитрий Константиновича в гости. Епископ Суздальский советовал не затягивать с поездкой. И вот по первому зимнику княжеский обоз двинулся в путь. Дмитрий Константинович, оставив в Суздале Василия, отправился в Москву всем семейством. У него были дальние планы на московского князя, о которых он даже с женой не делился, потому и поехали в Москву дочери Мария и Евдокия.

«Марии-то почти пятнадцать... Девка на выданье. Почему бы и не породниться с князьями московскими! Не глянется Мария, так Евдошка подрастает. Хотя росточком не вышла, но лицом базенькая и умом в мать», – вынашивал планы Дмитрий суздальский.

4

Дмитрий Константинович понимал, что дела надо решать не с князем Дмитрием Ивановичем, а с митрополитом Алексием – человеком умным, прозорливым и властным. В бытность свою, будучи выходцем из богатого и древнего боярского рода, Алферий (в миру) сын Фёдора Бяконта был приближен к княжескому двору и даже стал крестником Ивана Калиты. Позже, когда Алферию исполнилось двадцать лет, князь Даниил отправил его в Богоявленский монастырь, что в Китай-городе, где он и принял постриг под именем Алексия. Молодой монах выделялся из монашествующей братии не только знатностью, таких в монастыре было немало, но и незаурядными способностями. Митрополит московский Феогност отнёсся к иноку благожелательно и вскоре назначил его наместником во Владимир. После смерти епископа московского Алексий едет в Орду, а уже оттуда в Константинополь. Почти год живёт Алексий в Константинополе и в 1355 году был рукоположен в митрополиты. Причем местом кафедры он выбирает не Киев, как было ранее, а Владимир. После смерти родителей Дмитрия московского от чумы митрополит становится его опекуном, наставником и полновластным правителем. Вот к нему-то и направил свои стопы князь суздальский Дмитрий Константинович.

Встреча с епископом Алексием прошла вскоре по приезде князя Дмитрия Константиновича в Москву. Говорили открыто, не юля и не скрываясь за обилием слов.

– Чего ты хочешь за ярлык? – без обвиняков начал епископ, впившись колючим пронизывающим взглядом чёрных глаз в прямо глядящего князя. – Знаю, тебе он самому надобен. Суздаль не Володимир...

– Ноша сия не по мне, – откровенно ответил Дмитрий Константинович. – Хочу уйти на стол Нижегородский, да брат Борис супротивничает.

– Знаю Бориса. Вольно из Нижнего Новгорода не уйдёт, – сжал в кулак седую бороду епископ и, чуть подумав, продолжил: – Москва дружину выставит, сгонишь со стола брата. Что ещё?

– Хочу породниться с князем Дмитрием. Мария – чем не невеста? – прямо, не отрывая взгляда, медленно, как бы испытывая епископа на прозорливость, проговорил Дмитрий Константинович.

– Предложение лестно... Да бояре московские супротив того встанут, не захотят возвышения княжества Нижегородского, бояр нижегородских, купцов...

– Что бояре? Как ты, владыка, решишь, так и будет, – сузив веки, чуть тише произнёс князь Дмитрий.

Епископ, покачав головой, также тихо ответил:

– Может, оно и так... Дмитрий-то с Марией уживутся, а как мы с тобой? Есть у меня мысль взять под себя суздальскую кафедру. Епископ Алексей стар, епархия ему, поди, уже в тягость...

– Сие не мне решать, владыко.

– Мне то ведомо. Я решу, токмо ты не противься.

Так и порешили.

Вскоре в Нижний из Москвы отправилось посольство. От лица московского князя послы предложили Борису разделить Великое княжество Нижегородское на два удела: самому сесть в Суздале, а Дмитрию Константиновичу отдать Нижний Новгород. Борис ответил отказом. Тогда в Нижний отправилось второе посольство, в которое вошли архимандрит Павел, игумен Герасим и игумен Сергей Радонежский. Они предложили князю Борису отправиться в Москву на ряды. Борис Константинович оскорбился таким предложением и изгнал послов. Тогда послы велением епископа Алексея затворили все церкви в Нижнем Новгороде и Городец, то есть запретили вести в них службу. Это было впервые в Русской Православной Церкви, даже многие священники не понимали этой меры наказания, чего уж говорить о простых смертных, и потому оно не возымело должного воздействия. Тогда Дмитрий московский дал Дмитрию суздальскому войско. Присоединив к нему суздальскую дружину, Дмитрий Константинович двинул объединенную рать к Нижнему Новгороду.

С предложением породниться получилось не так, как хотел суздальский князь. За время пребывания гостей в Москве дети сдружились. Когда же пришло время расставания, четырнадцатилетний князь Дмитрий заявил, держа за руку не Марию, а маленькую и хрупкую Евдокию:

– Жди, токмо владыка Алексей станет не властен надо мной, зашлю сватов! Примешь?

И та, чуть слышно разлепив запёкшиеся от волнения губы, проронила:

– Приму. Только ж ты не обмани...

Мария тоже не осталась в накладе. Очень скоро Дмитрий Константинович нашёл и ей жениха: им стал именитый и богатый сын московского боярина Вельяминова. Сговор и свадьбу сыграли споро и весело.

А епископ Владимирский и Московский Алексей все-таки совершил задуманное: как только епископ Суздальский преставился и на его место поставили игумена Нижегородского Печерского монастыря Дионисия, он отторг от суздальской епархии Нижний и Городец.

5

Почти пятитысячное войско медленно по весенней распутице продвигалось к Нижнему Новгороду. Князь Борис запаниковал. Он не ожидал, что брат пойдёт такой силой. Он смог противопоставить ему только городецкий и нижегородский полки, а это чуть больше семи сотен. Борис вывел свою дружину навстречу брату, и под Бережьем они встретились. Примирение было тягостным. Княжеская честь истекала кровью, но Борис смирился. Он ушёл в Городец, а Дмитрий Константинович занял стол Великого княжества Нижегородского.

Лето прошло в трудах: Дмитрий Константинович продолжил дело своего младшего брата. Он завершил укрепление стен, расширил ров, в сторону мордвы устроил засеку.

Как-то в конце лета на Спасском соборе ударил сполошный колокол. Нижегородцы вывалили на стены, устремив взгляды на Волгу. По тихой воде, распустив паруса, шли ушкуи. Их было много. Судя по высоте возвышающихся над водой бортов, нагружены суда изрядно. На счастье, ушкуи прошли мимо. Но тревога осталась. Ближе к вечеру великий князь Дмитрий Константинович вызвал в харатейную воеводу Данило Скобу. Указав на лавку, спросил:

– Тот молодец, что был у ушкуйников в Костроме, где он ныне? Надобен.

– При мне, государь. Упросил я брата отпустить со мной, хочу выучить сыновца ратному делу. Негоже такому молодцу в лавке сидеть. А науку воинскую налету схватывает, – принялся расхваливать племянника воевода. – Из арбалета болтом с двадцати шагов наверхие со шлема срезает. Мечом пока не очень, а саблей хорошо владеет...

– Мне его меч не надобен. Хочу, чтобы сослужил мне службу иную. Видел ушкуи?

– Зрел, государь, – кивнул Данило Петрович. – Сила завидная. На многих зброя арабская, дорогая, не всякому князю посильна.

– Тот-то и оно. А куда путь направили ушкуйники ведаешь?

– Полагаю, что в Хлынов.

– Как в Хлынов? Не в Новгород на Волхове? – удивился князь Дмитрий. – Чего им в Хлынове-то быть?

– Когда в поход на Обь уходили, воевода ушкуйников боярин Абакунович заходил в Хлынов. Крепостицу малую поставил, сотни две ватажников на жительство оставил. И как я слышал, они за два года изб понастроили немало и припаса заготовили тысячи на две, – пояснил воевода. – Туда они пойдут. Верь мне, государь. Место выбрано с умом: по Каме да по Волге куда захочешь пройти можно.

– Значит, в Хлынов идут, – растягивая слова, произнёс князь. – Это меня и тревожит. Раз в Хлынов, значит, дела своего разбойного не оставят. В прежний приход Нижний пограбили и пожгли, а тогда их числом меньше было, да и за два года, поди, поднабрались умения ватажники.

– Должно быть, государь, – согласился воевода. – Так на что сыновец-то мой занатобился?

– Хочу, чтобы он к ушкуйникам прибился. Нового человека Абакунович к себе не допустит, а сыновца твоего должны помнить. Что скажешь?

– Может, кто и помнит. Да делать-то что ему? Боярина живота лишить?

– Бог с тобой! – усмехнулся князь. – Чай, не душегуб молодец. А дело ему вот какое: упредить меня должен, коли ватажники на Нижний пойдут. У ушкуйников добра всякого на руках много, а значит, купцы табунами повалят в Хлынов. Ему и дорога. Денег же я дам. Купец без денег не купец.

Так и не пришлось Ярославу перенять воинскую науку от дядьки. Пока не стала Волга на большой барке в сопровождении шести княжеских гридей в качестве охраны в Хлынов отправился молодой купец Ярослав Тихонович. Охрану можно бы было дать и поболее, ибо князь не поскупился и отвалил серебра две сотни.

6

Чудом разминулись посланцы великого князя нижегородского с войском болгарского хана Булат-Тимура. Видя, что правитель Орды удовлетворился выдачей ему четырех десятков ушкуйников, хан болгарский потерял сон и покой. Он был возмущён и негодовал при всяком упоминании об ушкуйниках, которые обосновались под боком, в Хлынове. Булат-Тимур всё лето готовил войско, но пошёл не на своих обидчиков, разоривших Жукотин, а в Великое княжество Нижегородское. Войдя в мордовские земли, хан напомнил князю Сигизбею, что мордва – данник Волжской Булгарии и потому кормит войско, проводит его по своей земле, а

если того потребует дело, то даст воинов. Как ни старался Булат-Тимур тайно провести войско к Нижнему Новгороду, но первое же столкновение на Пьяне с охотниками и оханщиками, обитавшими в тех местах, выявило его планы. И князь Дмитрий Константинович начал спешно собирать войско. На его зов привёл свою дружину князь Борис из Городца.

Объединённое войско встретило хана Булат-Тимура на Тёше. Булгары, не успев принять воинский порядок, были подвержены слаженному удару пешей рати, а как только сражение началось, на фланг ханского войска налетела конница городецкого князя, до того укрытая лесом. Не выдержав давления княжеских дружинников, булгары побежали. Их гнали до реки Пьяны. Многие вторгшиеся в нижегородские земли, так и не смогли переправиться через эту неширокую, но быструю и коварную речку, вьющуюся, словно змея, в мордовских лесах.

Хан Булат-Тимур, побитый и униженный, приехал в Орду просить помощи у хана Мюрида против нижегородских князей. Хан был взбешён, и не тем, что булгары были побиты нижегородцами, а тем, что Булат-Тимур пошёл на улус Джучи без его – великого ордынского хана – на то дозволения. Булат-Тимур был схвачен и брошен в каменный застенок, а позже по приказу преемника Мюрида хана Азиза казнён.

Глава V. Хлыновские повольники

1

Подойдя к Хлынову, тайные посланцы великого князя Дмитрия Константиновича растерялись: негде было пристать, весь берег забит ушкуями, лодиями, татарскими и болгарскими пабусами, кербасами, мишанами, бафьтами, каюками... С великим трудом отыскав брешь, ярославовы товарищи вытащили судно на берег и остались при нём. Ярослав же отправился в город. Надо было прежде всего подумать о жилье – зима-то не за горами. Но если ты не ушкуйник, пристанище найти было трудно. Ярослав обходил двор за двором раскинувшегося посада и везде получал отказ. Один из словоохотливых хлыновцев посоветовал:

– Ты молодец, Богом силой не обижен, так чего тебе... Выкопай землянку и зимуй, а хошь и избу сруби. Земля у нас общая, и лес общий, то есть ничейный. Иди, вали сколь хошь, ставь хоч терем... никто слова супротив не скажет.

– Срубить избу – дело непростое. А пока-то как от непогоды укрыться?

– Иди в ушкуйники. Ты крепкий, молодой – такие в ватаге надобны. Хошь к Осипу Варфаломеевичу, хошь к Василию Федоровичу, а то и к Александру Абакуновичу под руку становись. Он апосля похода за Камень богат стал непомерно: оденет, обует, накормит, службу даст, а уж о жилье и речи нет – ушкуйники себе изб нарубили и ещё жилье ладят. Да чего там жильё – крепость новую возводят, вона вишь на холмах. Поболе прежней будет. И то сказать, ушкуйников было двести, а ноне две тыщи.

– Скажи мне, добрый человек, а купцов в городе много?

– Как собак, прости Господи, – перекрестился хлыновец. – Понаехало, словно вороньё налетело, не продохнуть. Понавезли всего... Обирают повольников, за гроши добро скупают. Себе избы понастроили, лавки... Ото там, – махнув мужик в сторону новоделов, укрытых за цепочкой уже оголившихся берёз. – Может, ты и сам их родуплемени? – оценивающе оглядел мужик Ярослава, но тот поспешил его успокоить:

– Да нет же, мне бы боярина Абакуновича повидать...

– А-а, то дело другое, – почесал затылок хлыновец, сдвинув шапку на лоб. – Он чаще всего бывает там, – мужик кивнул в сторону строящейся крепости. – И ноне, поди, там. Хозяйственный, до всего есть дело, хоча и боярин. Ну, прощевай, заболтался я совсем, – и хлыновец

засеменил в сторону разгружавшегося у выступающего в реку деревянного настила большого купеческого карбаса.

Александр Абакунович узнал молодца. Оценивая оглядев Ярослава, спросил:

– Где был? Я тебя после Костромы не видывал. С чем пришёл?

От прямых вопросов Ярослав несколько растерялся. Заготовленный рассказ улетучился, словно он и не думал о встрече. Начал говорить что-то об отце, торговом деле... но потом остановился и под пытливым взглядом боярина выпалил:

– Ушёл в Новгород. В городе тебя зрел, да подойти не посмел. С тобой же в поход отец не пустил. А ноне я пришёл...

– Сам или опять отец направил?

– Батюшка, а я и не противился. Сам хотел. Меня Анфим Никитич за собой звал... да вот сгинул...

Боярин рассмеялся.

– Не такой Анфим человек, чтобы сгинуть. Жив-здоров. Хан Хидыбек жаден без меры – потому братьев наших не лишил живота, а продал. Да разве удержишь в неволе повольников?! Ушли молодцы, на Хвалынском море промышляют и в Волгу заходят, дабы о себе напомнить. Ты-то с чем пришёл? – повторил свой вопрос Абакунович.

– Батюшка прислал товара иноземного у повольников купить: посуду, шёлк...

– А денег-то достанет? – улыбнулся боярин. – Товар недешев.

– Достанет, – тряхнул кудрявой головой Ярослав. – Токмо я хочу к вам пристать. Ещё в Костроме решился, да тут дела эти...

– А как же наказ отцовский?

– Так я его исполню, а сам с тобой останусь.

– Ну-ну, токмо помни, что повольники купцов не очень-то жалуют. Могут и не принять в сотоварищи.

Серебро, данное великим князем нижегородским, сыграло добрую службу. Им он расплатился за жильё, которое недёшево уступил ему и его охране один из купцов новгородских, отдав пристрой к дому. Этому купцу и доручил Ярослав скупленное добро, чтобы тот его доставил в Нижний Новгород воеводе Даниле Петровичу Скобе, а отцу в Новгороде Великом передал, что де жив-здоров сын и домой возврататься не спешит. Коли судьба выпадет, то ждать его через год по осени.

Ещё по зимнику ушёл купеческий обоз. С ним отправились и молодцы охраны. Оставшись один, Ярослав принялся налаживать дружбу с ушкуйниками. Благо дело среди них было немало новгородцев, встречались и знакомцы. Вскоре он стал своим на дружеских пирушках, в свадебных застольях, коих немало проходило в Хлынове: ушкуйники пришли в город надолго, если не навсегда, и потому устраивались основательно, заводя семьи, хозяйство... Воеводы повольников смотрели на это одобрительно.

2

Почти месячная суета сборов наконец-то закончена, и санный поезд вытянулся от княжеского двора к Дмитровской башне. Наступил час прощания. Зарёванные мамки и няньки стояли в стороне и с жалостью смотрели на свою воспитанницу. Великая княгиня Анна кончиком платки вытирала набегавшие слёзы, и только великий князь нижегородский Дмитрий Константинович спокойно взирал на хлюпающую носами челядь, и на своё семейство, и на младшенькую Евдокию, поблескивающую голубыми глазёнками из мехов не по росту большой шубы.

– Как ей там-то, птахе нашей, на чужбине будет? Отроковица, а уж замуж. Ладно бы дородностью да статью вышла, а то, что дитё малое, – причитала боярыня Авдотья Брагина.

Ей вторила княгиня Агриппина, жена Городецкого князя Бориса:

– По возрасту и ничего бы – тринадцать, да в кости мелковата. Ништо, чай, в постельку-то сразу не уложат, а там подрастёт.

Дмитрий Константинович, нагнувшись, поднял дочь на руки и, поцеловав в лоб, напутствовал:

– В дороге не балуй! Знаю я тебя, проказницу. Боярыню Ростиславу слушайся. А к свадебному пиру и мы приспеем. Ну, с богом!

Вскоре санный поезд почти в две сотни возов под охраной малой княжеской дружины вышел из Нижнего Новгорода, и путь ему лежал далёкий: аж до самой Коломны, где ждал тринадцатилетнюю невесту шестнадцатилетний жених – великий князь владимирский, князь московский Дмитрий Иванович.

Не просто далось сватовство. Кто только не отговаривал Дмитрия от этого решения: и епископ Алексей, и бояре московские, и кое-кто из младших князей, но великий князь остался верен своему слову, и как только ему исполнилось шестнадцать – заслал сватов. Не остановил его даже пожар, случившийся в прошлом году на Москве. Больше половины города выгорело дотла. Потому венчание назначено в Коломне – вотчине московских князей.

К началу января санный поезд подошёл к Коломне. Город, сродни Нижнему, стоял на взгорье у слияния рек Оки и Москвы. Опоясанный высоким частоколом чёрных дубовых стволов, он поднимался посадами к княжескому терему и белеющей строгими каменными стенами Воскресенской церкви.

Князь Дмитрий Константинович с семейством прибыл двумя неделями позже и остановился на дворе своего зятя – воеводы коломенского Микулы Вельяминова, остальные же гости – нижегородские, суздальские, владимирские, Городецкие и иных княжеств – разместились по дворам купеческим. Накануне венчания провели стговор. Евдокию на него не пустили – по свадебному чину не положено, но она всё-таки ухитрилась подсмотреть и послушать, о чём говорили бояре московские и нижегородские. Там же она увидела и своего будущего мужа: Дмитрий подрос и, как ей показалось, несколько возмужал. Отец одарил будущего зятя первым благословением – образом, кубком, бархатом, сороком соболей, поясом, расшитым золотой нитью и драгоценными камнями. Получил в ответ тоже немалые подарки. Стговор проходил душевно, по-семейному. Княгиня Анна расспросила князя Дмитрия о здоровье, расцеловалась с ним через платок, вслед за ней также через платок жениха расцеловали подружки невесты – княжны и боярышни, присутствовавшие на стговоре. Обидно и досадно было Евдокии смотреть на такое. Да делать нечего: обряд того требует.

На следующий день и она получила от жениха множество подарков, а также перстень и панагию²¹.

В день свадьбы собрались все участники торжества: тысяцкий, свахи, дружки, поезжане, бояре и боярыни, конюший, свечники, коровайники... Когда всё было готово к венчанию, известили жениха и невесту.

Князь Дмитрий Иванович в парчовом кафтане, расшитом камнями, в отороченной кунным мехом шапке, в красных тонкого сафьяна сапогах, гордо восседаая на аргамаче, в сопровождении дружек подъехал в дому невесты. Та, уже убранная в дорогие наряды, с распущенными по плечам волосами, в окружении подружек сидела за столом. Услышав, что жених у крыльца, Евдокия в нетерпении выскочила из-за стола, но сваха, нависнув над ней своими телесами, осадил:

– Не время ещё. Как токмо коврами дорогу до церкви выстелют, так и неспешно тронемся.

²¹ Панагия – маленькая иконка, носимая на груди.

Наконец-то Евдокия на высоком резном крыльце. Солнце слепит, снег искрится, на душе жутко и весело. Перед крыльцом бьют копытами разряженные кони, впряженные в богато убранные сани. Евдокия важно и медленно, как учили, садится на скамью и утопает в мехах. Дмитрий справа. Он всё так же на коне, глядит строго, по-взрослому, будто и незнаком вовсе. По команде тысяцкого начинается шествие к храму. Впереди свечники, за ними коровайники... Пройдя не более ста шагов, шествие останавливается, князь Дмитрий спрыгивает с аргамака и подает руку Евдокии. Они рядом. Шествие возобновляется. Священники кропят путь святой водой. Перед входом в церковь молодых осыпают хмелем. И всё это под малиновый перезвон колоколов церковей коломенских и под ликующие крики толпы.

От множества людей в храме душно. Горят свечи. Священник в золочёные ризы одетый, строг. Евдокия от волнения и страха еле держится на ногах. Словно сквозь плотную завесу доносится:

– Во имя отца, и сына, и святого духа, аминь!

Идёт венчание чередом. И вот уже обводят молодых вокруг алтаря. Великий князь владимирский Дмитрий, склонившись, целует Евдокию в губы: коротко, неумело. Она – великая княгиня. Не верится. После совершения обряда венчания новобрачные причащаются Святых Таинств.

Оставив князя Дмитрия в церкви на венчальном месте, свахи отводят молодую на паперть и снимают с её головы девичий убор и, разделив волосы надвое, заплетают их в две косы, которыми венчают голову. Затем, накрыв кокошником, покрывают голову фатой и подводят к новобрачному.

И опять ликующая толпа, колокольный перезвон, свадебный поезд. Вот и двор княжеский. На пороге терема князь Дмитрий Константинович с княгиней Анной. Они целуют молодых, осыпают зерном, хмелем, золотыми и серебряными монетами, чтобы жилось сытно, богато, весело.

Расселись в палатах по свадебному чину, и начался пир.

Дубовые столы ломились от яств и хмельных медов. На почетном месте под образами – молодые. Несмотря на то, что Евдокия сидела на высокой подушке, её еле было видно из-за стола. Но рост и возраст не помеха. Три дня и три ночи продолжалось пиршество, сопровождаемое песнями, музыкой и скоморошьими представлениями. Пили чаши заздравные, пили хвалебные, пили приветные... рекой лилось вино ромейское, меды сладкие, хмельные... шум, гам, ряженные, кругом голова...

После свадебного пира гости разъезжались довольные: каждый получил подарок по чину.

Прощаясь, Дмитрий Константинович напутствовал великого князя владимирского:

– Судьбами божьими дочь моя приняла венец с тобой, князь Дмитрий Иванович, и тебе бы жаловать её и любить в законном браке, как жили отцы отцов наших. Береги её.

Отгуляв свадьбу, молодой князь с небывалой энергией принялся за дела житейские. Хотелось и себя показать перед молодой женой, и делом доказать, что титул великого князя ему по плечу. Вернувшись в сгоревшую Москву и видя, что она возрождается, прорастая срубками из золотистой сосны и лиственницы, князь задумал строить кремль каменный, чтобы неподвластен был ни огню, ни ворогу.

Камень для строительства стен и кремля возили по зимнику из каменоломен, расположенных ниже по течению Москвы-реки, за селами Коломенским и Островом, у сельца Мячково. Камень возили и в стужу, и в метель, и в дни ранней оттепели. Шершавые, многопудовые плахи складывали на расчищенные от пожарища места. А как оттаяла от зимней стужи земля, начали копать ямы под фундаменты. Строительство вели огородники – мастера крепостного строительства из Новгорода и Пскова, зодчие многоопытные, знавшие приёмы шлифовки и

кладки камня, тайны прочности известковых растворов и особенности поведения грунтов при тысячепудовой нагрузке крепостных стен.

Медленно поднимаются стены кремля, куда быстрее растут посады, торговые ряды, дворы бояр и купцов.

Молодой князь, обозревая строительство с только что возведенной Собакиной башни, верил, что скоро и дворы будут из камня. Рядом с ним его маленькая жена Евдокия. Будучи отроковицей, она стала матерью и покровительницей обездоленных бездомных погорельцев, вдов и сирот. Евдокия уже начала свыкаться со своим высоким положением, примирилась с нелюбовью епископа Алексия и многих московских бояр. Да и не так важно это было. Главное, что Дмитрий люб и она для него что солнышко в окошке.

– А что, хорош город я строю? – наливаясь гордостью, вопрошал князь свою юную жену. – Токмо пять тысяч работных камень возят, да две на стенах, да тысяча в кузнях и известковых ямах. Любо?

– Любо! Ох, как любо!

– А реки вскроются... то-то ещё будет... По рекам-то сподручнее камень возить, а значит, и строительство споро пойдёт. За каменными стенами никакой воров не страшен...

– Защитник ты мой, – прильнула худеньким тельцем к своему юному мужу Евдокия. – Батюшка весточку прислал, пишет, что по весне остерегаться надобно не татар, а своих... каких-то ушкуйников. Просил тебя о том известить.

– Ушкуйников? – усмехнулся Дмитрий. – Не беда. То тати шатучие. Мне они ведомы. Коли разбойничать начнут, урезоню, – решительно тряхнул длинными волосами великий князь владимирский. – Кого и опасаться следует, так то князей тверских. Ты же отцу отпиши, чтобы не тревожился. Коли надобно будет, помогу дружиной. Чай, ноне великий князь нижегородский Дмитрий Константинович не чужой мне...

3

Солнце яростно бросало лучи на ещё промёрзлую землю, но уже весело звенела капель и хотелось жить. Весна!

Хлыновцы с нетерпением ожидали её прихода, ведь весна – это поход, и потому порядком надоевшие за зимние месяцы воинские учения воспринимались повольниками охотнее, несмотря на то, что с каждым днём десятники и сотники становились всё требовательнее и придирчивей.

Ярослав, получивший начальные навыки владения оружием от воеводы Данилы Петровича, не выглядел белой вороной в чёрной стае уже бывалых ватажников, а природное здоровье и сила выдвинули его за три месяца в лучшие. Он уже неплохо владел мечом, отменно – саблей, точно метал в цель сулицы²², а стрелять из арбалета его обучил ещё отец.

Боярину Абакуновичу Ярослав глянулся. Молодой новгородский купец, а ныне сотоварищ, был всегда умыт, причёсан, опрятно одет. Он никогда не жаловался на тяготы воинской учебы, сотник и десятник были им довольны. Главное же, он – один из немногих – мог читать, писать и знал счет. Боярин хотел его поставить у казны, но воеводы Осип Варфоломеевич и Василий Фёдорович воспротивились: молод ещё.

Александр Абакунович Ярослава приблизил, часто стал приглашать на трапезы. Во время одного из застолий он неожиданно спросил молодца:

– Ты с отцом или один бывал в Новгороде Низовском, Городце, может, к булгарам захаживал?

– Врать не буду, не приходилось, – откровенно ответил молодец.

²² Сулица – облегченное, укороченное копье, предназначенное для метания.

– А купцы нижегородские или городецкие тебе ведомы?

Призадумавшись, Ярослав утвердительно кивнул.

– Скоро реки вскроются... Сотоварищи ждут не дождутся, когда можно будет ушкуи на воду спустить, – повёл неспешно речь боярин. – Надумал я повести мужиков на Булгар, но Новгорода Нижнего не миновать. Там ноне князь Дмитрий. Его дружинники мне плечо и руку поранили, да и из Костромы еле ушёл, не то быть мне у хана Хидыбека в полоне. В ватаге немало повольников жаждущих помститься князю. Но Нижний не Кострома: и стены выше, и ворота крепче, и князь Дмитрий не чета воеводе Плещееву... Так вот, хочу тебе одно дело доручить. Дело непростое, не каждому по плечу.

– А что делать-то? – насторожился Ярослав.

– Хочу тебя в Нижний Новгород отправить. Нас повязали в Костроме потому, что ворота князьям свои люди открыли ночью... Разумеешь? Надобно ворота Низовского открыть, как подойдём к городу.

– Сумею ли? Один... много ли сделаешь?

– Не один. Я тебе дам сотоварищей. Мужиков верных, крепких... Ты ведь в Хлынов купцом пришёл, купец ты и есть. С тобой сколько людей было?

– Шесть...

– А я тебе дам десяток, а то и более бери. Ну что? Возьмёшься за дело, не то другому доручу...

Ярослав кивнул. Он понимал, что только так сможет послужить великому князю нижегородскому.

– О нашем разговоре никому! – строго предупредил боярин. – Завтра приходи поутру, обговорим и молодцов, что пойдут с тобой, отберём.

Нелёгко путь по апрельской хляби. Лошади, запряжённые в добром нагруженные сани, тянули поклажу напрягаясь и скользя по уже оттаявшим местам. Обозники и охрана – два десятка молодцов – крепкие, в добротные зипуны одетые, а под зипунами кольчуги, в руках вожжи, а под руками сабли да арбалеты. Охрана же и вовсе при оружии и полной зброе. А то как же... Обоз прошёл зимником устье Камы, ступил на волжский лёд, а значит, в болгарские земли пожаловал непрошено. Одно успокаивало, что обоз купеческий и хозяином поклажи настоящий купец новгородский Ярослав Тихонович. Но на пути вставал Жукотин, ещё не отстроенный и помнящий ушкуйников, разграбивших и разоривших город. Как-то жукотинцы поведут себя, увидев обоз русского купца?

«А ну возьмут на копьё? С них станется, – размышлял Ярослав, покачиваясь в седле. Лошадь он себе выбрал спокойную, выносливую, хотя с виду невзрачную. Бывалые ушкуйники предупреждали, что за две версты от города застава болгар, но как её обойти, никто не знал. – Может, навалиться скопом? Воины подобрались сильные, ловкие, в деле смертном не раз бывавшие... А вдруг на заставе полсотни, а то и сотня вся! Не осилить... Если бы не сани... Снег в лесу подтаял, осел, ночью обойти заставу не составит труда, но сани... С санями не пройти. И поклажу не оставишь. Какой же я купец без товара?!»

Ближе к вечеру дозор, шедший в версте впереди обоза, доставил мужичонку – плохонький, кудлатый, в рваном заячьем тулупчике. На вопрос: кто таков, мужик торопливо прошепелявил:

– Оханщик²³ я. На промысел вышел, а тут незадача...

– И что, рыбка ловится? – усмехнулся Ярослав, взглядываясь в хитроватое, серое, с трудом различимое лицо нависающих из-под шапки волос.

– А не то! Мне зимовина известна, яма такая, – пояснил рыбак. – Так из неё всю зиму рыбу черпаю. Кормиться-то надо. У меня детишек полна изба.

²³ Оханщик – рыбак.

- Живёшь-то где?
- Недалече. Там... – махнул рукой мужичонка куда-то в лесные дебри.
- И что, болгары не забижают? – поинтересовался Ярослав.
- Ни болгары, ни татары... На кой ляд я им сдался. Живу сам по себе, они сами... Да и не видят они меня. Коли хлебушка надо, до Жукотина тайными тропами пройду, прикуплю. Жаль вот кругляшков маловато... А зверья и птицы полон лес, токмо не ленись.
- Давно здесь промышляешь?
- Так, почитай, всю жизнь. Ещё отец избёнку срубил...
- Ярослав задумался. Боясь спугнуть удачу, он отстранённым голосом спросил:
- Ты обмолвился, что кругляшков маловато. Я дам тебе монет, да не медных, серебряных... – и после паузы продолжил: – коли проведёшь обоз мимо Жукотина.
- А чего не провести... Проведу.
- И сани пройдут?
- И сани тож. Да ты не тревожься. Мне тут кажная тропка ведома. Токмо идти надобно ночью, пока земелька стылая и речушки ледком прихвачены. За ночь и минуем Джукетау.
- Тебя как зовут-то?
- Тимоня я. Отец говорил, что родичи все в Твери, а я дальше Казани и не заплывал. Слушай, боярин, – ещё больше оживился мужичок.
- Не боярин я, купец.
- Мне всё едино, – отмахнулся Тимоня. – А может, тебя прямо к Казани провести? Мне и туда путь ведом. А оттуда куда хошь иди: хошь на Булгар, хошь на Нижний.
- Не заплутаешь? – испытывающе глянул на оханщика Ярослав. – Путь-то до Казани неблизок.
- Это рекой плыть да плыть, а я лесом. Летом не пройти, а ноне можно, – заверил Тимоня. – Я сбегаю до женки, а к ночи возвернусь. Вы же пока вон в той ложбинке располагайтесь. Костерок там, похлёбку сварите, а к ночи я приду. Молодцы пушай факелов наделают. Идти надобно будет всю ночь... А ноне, поди, сам видел – темень-то такая, что без факела ни ногой. Так что, пушай молодцы потрудятся... – и мужик, подхватив полы шубейки, поспешил к темнеющей стене, казалось, непроходимого леса.
- Зря отпустил мужика. Больно вёрткий, – осуждающе покачал головой Степан – в ватаге сотник, в обозе старший. – Но решать тебе. Атаман приказал во всём потакать и тебя слушать. Так что, дальше пойдём или здесь заночуем?
- Ноне спать не придётся. Пойдём к обозу, расскажу.
- Тимоня не обманул. Несмотря на темень, вёл уверенно, каким-то звериным чутьём находя проход, казалось бы, в непроходимых местах. Только под утро, натолкнувшись на перегородившее русло лесной речушки поваленный ствол сосны, остановились.
- погоди, – осадил проводника Ярослав. – Лошади выбились из сил, да и молодцы притомились. Нужен отдых.
- Лошади-то понятное дело – возы тянут, а молодцы чего? Морды-то во какие красные, сытые, – усмехнулся Тимоня. Ему, прошагавшему всю ночь, хоть бы что. Только покхекивает. – Отдыхайте, – махнул рукой оханщик. – Лошадей распрягите, им тож роздых нужен. А я пока сосёнку топором попотчую. Отрублю конец, тогда уж и молодцов твоих на подмогу кликну, а пока пушай и они сил набираются.
- Сколь стоим? – уточнил Ярослав.
- Так весь день. Как морозцем прихватит, тогда и в путь тронемся, – и насмешливо глядя на Ярослава, участливо добавил: – Ты и сам поспи, вона как насупонился...
- К концу четвёртой ночи вышли на волжский лед.

– До Казани полверсты, – показал в темноту Тимоня. – Как развиднеется, сами узрете. Деревенька так себе – дворов десятка три, но отогреться, отоспаться есть где. С вами не пойду. Мне домой поспешать надобно... Женка, детишки...

Ярослав не поскупился, отсчитал десять серебряных монет. От такого богатства Тимоня впервые за весь путь онемел. Жаль, что видели это только Ярослав и Степан, а то бы обозники натешились властью – до чего забавен был мужичонка. Так и оставили его ушкуйники с открытым ртом, сжимающим в заскорузлых ладонях серебряные монеты.

4

В конце апреля обоз подошёл к Нижнему Новгороду. Не верилось, что ранней весной можно преодолеть такой путь, да ещё на сани. Назвав себя, Ярослав с сотоварищами был пропущен в город.

Новгородских купцов в Нижнем было всего двое, и, как выяснилось, Ярослав обоих знал. У одного из них – Тимофее Пущине он стал на постой: места было много, а плата умеренной. Когда же купец осмотрел привезённый земляком товар, то категорично заявил:

– Товар хорош, да не про нижегородских жителей!

– Как это? – удивился Ярослав.

– Ноне шелка да зарбафа²⁴ разве что великому князю Дмитрию Константиновичу по кишени, а кубки золочёные да оружие в каменьях и того выше, токмо хану или мурзе какому по плечу.

– Так что же мне делать? – растерянно произнёс молодой купец. – Не тащиться же с таким товаром обратно в Новгород.

– А в Новугороде на твой товар не нашлось людей охочих да денежных? – хитро сузил глаза Тимоня. Он догадался, откуда у молодца столь дорогой и редкостный товар, и теперь в душе подсмеивался над своим собратом по ремеслу, глядя, как тот пыжится с честью выйти из создавшегося положения.

– Так батюшка решил продать подороже, вот и направил меня в Низовской Новград...

– Вот оно что... Ну-ну. Дело то твоё.

– Что присоветуешь, дядька Тимоня? – совсем расстроившись, попросил Ярослав старшего товарища. Тот приосанился, подпёр кулаком бок и важно проговорил:

– Одно тебе остаётся: ждать, покуда лёд не сойдёт. А там идти в Укек – хорош город, хотя и невелик, но богат. Бывал в том городе. Знаю о чем говорю. Верь, там твой товар с руками оторвут.

– Так где же тот Укек?

– Так на Волге. Неблизко, но дело того стоит.

– А доселе чем мне заниматься? Батюшкины полушки проедать... Мужиков-то два десятка, их прокормить и то сколь денег надобно, а ещё и лодию купить, чтобы водой идти...

– Лодию я тебе свою уступлю и человечка, что ходил со мной до Укека тож дам. А ты смотри, думай... На то голова тебе и дадена. А пока товар-то свой можешь в моей кладовой сложить. Пойдём покажу.

Когда же зашли в большой пустовавший бревенчатый амбар, Тимофей Пущин тихонько спросил:

– А почто не у дядьки своего на постой стал? У воеводы-то Данилы Петровича места поболе будет...

²⁴ Зарбафа – парча.

– К сродственникам лучше в гости ходить, а жить... так себе дороже, – так же тихо ответил Ярослав. – Обозники мои – мужики не новгородские, им не след знать, что воевода – мой дядька. А ты помалкивай...

Только через два дня, отправив молодцов охраны на Волгу в помощь купцу Пущину колоть лёд для ледника, Ярослав смог выйти на улицу без сопровождения. Воевода Данило Петрович был дома, после сытной трапезы почивал в горнице, растянувшись на лавке у печи. Рассерженный, что прервали его послеобеденный сон, воевода вышел в сени и, увидев Ярослава, удивленно просипел:

– Что? Уже идут? – и потом, осознав, что Волга ещё стоит подо льдом, добавил: – Зачем пожаловал?

– Может, обнимемся? Иль ты не рад мне? – широко улыбнулся Ярослав, глядя на взъерошенного, со включенной бородой родственника.

Обмякнув, Данило Петрович развёл руки.

– Я тебе всегда рад! Иди уж, обниму по-родственному.

Обо всем поговорил в тот день Ярослав с воеводой. Решили, что пусть ватажники вольно живут, а время приспее – тогда их в железа. Что же касается товара, то Данило Петрович рассудил по-хозяйски:

– До времени пушай лежит на дворе Тимони, а как придут по весне купцы бухарские да хивинские, им товар-то и продашь. Тебе серебра много надобно...

– Много-то на что? – удивился Ярослав.

– Как на что? Надобно женкой обзаводиться, хозяйством, не вечно же с отцом под одной крышей... Пора и свою занять. Так ли? – широко улыбнулся воевода.

– Не думал я о том.

– А ты подумай. Нижний Новгород стоит на бойком месте, здесь торгуй только. Купцы отовсюду по воде приходят: и сверху, и снизу.

– Я подумаю над твоими словами, а сейчас мне надобно идти. Ватажники уже, поди, вернулись с Волги. Могут хватиться.

– Иди, Ярослав. Да осторожнее там... Ты же знаешь, у меня всё больше дочери, а ты мне как сын. Помни об этом и береги себя. Ко мне не ходи. Что надо передать, скажешь Тимоне. Я его упрежу, – и уже на пороге избы предупредил: – Князя встретишь, виду не подавай, что знакомец. Я ему скажу о тебе.

5

Хлыновцев ждали. Лишь только ушкуи показались из-за излучины реки, ворота крепости Булгара заперли, а на стенах и смотровых башнях появились воины, отсвечивая на солнце кольчугами и оружием.

Ушкуйникам не удалось подойти скрытно. Ещё на подходе к Жукотину они были обнаружены болгарской заставой, и их дальнейшее продвижение к Волге сопровождалось конными разъездами, то появляющимися на камском берегу, то исчезающими в зарослях покрывающегося зеленью леса. И хотя к пристани ушкуи подошли дружно, ватажники высаживались не спеша. Ввиду защитников города также не спеша надевали кольчуги, наручи, шлемы, строились в колонны, выгружали из судов и тут же на берегу собирали метательные орудия. Прикинув высоту стен, вязали штурмовые лестницы.

К крепости направились тремя колоннами.

Когда же защитники Булгара увидели, что ушкуйников не более трёх тысяч, облегчённо вздохнули: в городе князь Баргоз собрал шесть тысяч воинов-булгар, а кроме того, к нему при-

соединились ещё семь сотен татарских всадников с бельдибеком Хасымом во главе. И теперь, наблюдая с высоты башни за действиями русских, князя недоумевали.

– И как могли эти русские мужики разорить Джокетау? Это же не княжеские полки... разбойники! А разбойникам у нас на площадях рубят головы, – возмутился князь Барогоз.

Бельдибек Хасым тоже не понимал, как с таким малым войском можно идти на хорошо укрепленный город, но своего удивления не выказал. Лишь презрительно поджав губы, сказал, слова словно выплюнул:

– Князь, я со своими нукерами выйду через восточные ворота и пожгу лодки. Без лодок они не уйдут и станут нашей добычей. Ты же, князь, сокруши разбойников в лоб! Побегут – я их встречу!

Когда городские ворота распахнулись и по опущенному через ров мосту начали выходить болгарские воины, ушкуйники даже не прибавили в шаг. Они всё так же медленно вышагивали в сторону городских стен, даже третья колонна замедлилась, а вскоре и вовсе остановилась. Лишь не дойдя пятисот шагов до крепости, ушкуйники встали, а затем быстро перестроились в вытянутый прямоугольник. Но его не хватило даже и до середины спешно строившегося болгарского войска.

Александр Абакунович, а это именно он вёл первую, самую многочисленную колонну, не стал ждать пока все защитники Булгара выйдут из крепости. Он подал знак, и на глазах изумлённо взиравших болгарских воинов линия ушкуйников начала сжиматься, вытягиваясь в клин, острие которого приходилось напротив ворот.

Князь Барогоз не мог понять, что удумали нападавшие, и поплатился за это собственной головой. Молодцы дружно ударили в линию болгарских воинов, разрывая её, и сметая на своём пути ещё выходивших из крепостных ворот воинов, устремились в створ. Удар был настолько дерзким, мощным и неожиданным, что застал болгарских воинов врасплох. Они готовы были идти вперёд на врага, уничтожить его, но сигнальные трубы молчали, и некому было дать команду к атаке, ибо князь Барогоз погиб в первые минуты схватки, так и не осознав, что произошло.

Ушкуйники же, оставив в воротах две сотни, обрушились вдоль стен вправо и влево от ворот на ничего не предпринимающих болгарских воинов. Они всё больше расширяли разрыв, напирая всей массой во фланги, создав на линии соприкосновения более чем десятикратное превосходство. Это сыграло решающую роль в сражении. Не выдержав удара, находясь в полном неведении, что же происходит, болгары дрогнули, а вскоре и побежали. Их не преследовали. Зачем. Ведь победителей было гораздо меньше побеждённых...

Татарскую же конницу встретила третья колонна, воины которой тащили штурмовые лестницы, тянули осадные орудия. Увидев всадников, ушкуйники оцетинились лестницами и копьями, а из-за этого неожиданно выросшего частокола в татар полетели сулицы, стрелы, тяжёлые металлические болты²⁵.

Татарская конница увязла... и это её погубило. К месту схватки бежали от реки оставленные для охраны ушкуев молодцы, а со стороны города в тыл к всадникам устремились ватажники Абакуновича. Они незамедлительно втягивались в сражение, тесня и круша нукеров. Вскоре татарская конница, неся потери, отступила к городским стенам и с трудом выскользнула из окружавших её ушкуйников. Город Булгар был во власти ватажников, и они в полной мере воспользовались правом победителя.

²⁵ Болт – короткая железная стрела, предназначенная для метания из арбалета.

6

Не прошло и две седмицы, как сошёл лёд на Волге, а к Нижнему уже подошёл первый купеческий караван из трёх пабусов. Суда пришли из Булгара гружённые зерном. Знал купец, что зима в Нижнем Новгороде далась народишку трудно, своего-то хлеба только до Светлой Пасхи хватило, а тут что дар божий. Князь приказал с купцов, торгующих зерном, мыта не брать. Булгарин знал об этом и потому цену определил божескую.

К середине мая купеческим лодиям уже и пристать негде было: весь берег по Волге и Оке осадили купцы и татарские, и болгарские, и хивинские, и армянские, и бухарские... Как и посоветовал Ярославу воевода Данило Петрович, часть товара он успешно продал, получив солидную прибыль, большую же часть товара оставил для себя.

Заметив в пришедших с ним в Нижний Новгород сотоварищах нервозность, он понял, что скоро необходимо ждать ушкуйников. Своими опасениями Ярослав поделился с купцом Тимофеем Пушиным, а тот передал разговор воеводе.

Великий князь нижегородский Дмитрий Константинович собрал совет, состоящий из ближних бояр и воевод. Поведав о грядущих невзгодах, он спросил:

– Что посоветуете? Дело сие всех касаемо.

Долго молчали бояре, думали. Не их дело стены городские защищать, но раз призвал князь, значит, нуждается и в них. Первым подал голос боярин Никодим Савелич. Неспешно расправив складки кафтана у пояса, он, не поднимая глаз от пола, прогудел:

– Идут разбойники, не идут... нам доподлинно то неведомо. А коли и придут, что с того?! Стены высокие, ворота крепкие, дружина немалая... Нам ли татей тех бояться? Остерегаться надобно иного: ноне забьём сполох, а купцов-то сколь на торгу! Уйдут, растрясут языками по Волге. Кто к нам тогда с товаром придёт?

– Верно говоришь, Никодим Савелич! – поддержал сотоварища дородный красномордый боярин Никита. – Торговлей прирастает Нижний. Купцов никак нельзя распутать. А как ушкуйникам место указать, на то дружина есть, а надо будет... и людишек сподобим на дело святое. Так ли? – обратился он к Совету.

– Так! Истину глаголешь! – в ответ раздались одобрительные возгласы.

– А ты что скажешь, Данило Петрович? – обратился князь к воеводе.

Тот встал с лавки, склонил голову в полупоклоне, решительно произнёс:

– Бояре твои, государь, о выгоде своей пекутся, не о защите стольного града. В том их не виню... Самому по нраву, когда лавки да лабазы добром заполнены... Да токмо ушкуйников остерегаться надобно! В Костроме видел я их зброю и оружие, а как они ещё и в дело ратное их пускают умеючи...

– Негоже тебе, Данило Петрович, укорять нас в стяжательстве, – прервал воеводу на полуслове боярин Никодим. – Ты лучше ответствуй мне, кто по весне город от голода спас? Молчишь! Тот-тот и оно... Если бы не болгарский купец, что с зерном пришёл по первой воде, оголодали бы вовсе! В разбойные, они, может, стороной пройдут, а то и вовсе вверх по Волге направятся, в родные пределы.

– И то верно! – подхватил боярин Серафим. – Видел я по осени, как возвертались из похода тати шатучие. Ушкуи чуть воду бортами не черпали, столь много добра в лодиях загружено было. Зимовали-то они в Хлынове, а нынешним летом, поди, в Новгород Великий поплывут. Почитай, три года про воров слышно не было, пора и честь знать. Домой-то тоже тянет. Люди же они, хотя и разбойные.

Дмитрий Константинович стукнул княжеским посохом в пол, призывая ко вниманию.

– Так порешим, – в нависшей тишине зазвучал его голос. – Купцов тревожить не станем, пусть торгуют. Сами же в готовности будем. По Оке и Волге заставы поставим, упредят, коли что. А раз так порешили, то никому ни слова о том.

После того как бояре разошлись, оставшись наедине с воеводой, князь приказал:

– Заставы поставь вверх и вниз по Волге.

– Так стоят же, государь...

– Они с осени стоят! Поди, устали дружинники, замени! И вот ещё что: разбойников, кои пришли с твоим сыновцем, ноне же повязать и в поруб бросить, да гляди, чтобы никто не ушёл! – строго предупредил князь. – И сыновца тож с сотоварищами в земляну яму определи. Ничего, посидит с разбойными, потерпит, чай не на́долго. Может, польза от того будет.

Но как ни старались княжеские дружинники тихо повязать хлыновцев, те оказали отчаянное сопротивление, а двоим удалось уйти.

7

К Нижнему повольники подошли на рассвете. Они уже знали, что их товарищи в земляной яме, а значит, помощи из крепости не будет. Но то, что они узрели вдоль волжского и окского берегов, повергло в изумление: такое множество речных лодий ушкуйники видели впервые. На головном ушкуе рядом с воеводами стояли и чудом избежавшие пленения ватажники. Показывая на сбежавший к берегу посад, один из сопровождавших Ярослава молодцев – сотник Степан пояснял:

– Товара на лодиях и в лабазах, лавках, что раскинулись там, – повел он рукой, – столько, что на стругах всего не увезь. А в городе... разве токмо дворы купеческие пошарпать...

– Не в добыче дело, – нахмурил брови Абакунович. – Князь Дмитрий мне нужен. Уж больно я зол на него да на его дружинников.

– Тебе решать. Ты воевода, – развел руками Степан. – Я всего лишь сотник, но и то вижу, что Нижний Новгород – это не Булгар и не Кострома, с наскоку не взять. Много крови прольётся...

– Поговори мне! – возвысил голос боярин Александр. – Сам вижу. И кровь молодцов наших мне дорога... Да князю Дмитрию простить обиды не могу, – и отвернувшись от надвигающегося волжского берега, крикнул кормчему:

– Правь на ту башенку, что возвышается над пристанью!

Уже солнце поднялось над Дятловыми горами, а ушкуи всё подходили и подходили, цепляясь за борта стоящих купеческих судов и через них выбирались на берег.

– Да сколько же их? – невольно вырвалось у великого князя Дмитрия, взиравшего на ушкуйников с высоты Ивановской башни.

Стоявший рядом с князем воевода Данила Скоба озадаченно произнёс:

– К двум сотням подходит. Вот те и разбойники, да тут цельное войско. А кольчуги не чета нашим-то... Такую зброю и стрела не возьмёт!

– Надо бы было дружины из Городца и Суздаля призвать. Послушал бояр... – не без сожаления отозвался князь. – Ты, Данило, вчера зерно всё вывез из тех лабазов, что под Зача-тевским монастырём?

– Нет, государь. Купцы воспротивились... Говорят, сами своё добро от татей отстоим. Теперь, поди, жалеют...

– Плохо! Не за зерном пришли разбойники, за серебром. А хлебушко им без надобности. Пожгут!

– Может, выведем дружину да ударим по разбойным, пока те разрознены и не начали крушить... – предложил воевода, но князь Дмитрий его осадил:

– Ты присмотрись: одни барки купеческие шарпают, а другие настороже. Разбойные того и ждут, чтобы мы за ворота вышли...

Только к вечеру ушкуйники угомонились и, нагрузив награбленным свои суда, начали отваливать от волжского и окского берегов, держа курс вниз по Волге. Только когда последний ушкуй отошёл от берега, ворота города распахнулись, выпуская жителей посадов и укрывшихся в крепости купцов.

Глубокой ночью к князю Дмитрию Константиновичу пришел воевода Данило Скоба для доклада.

– Посад разорён, государь. Все лабазы и лавки разграблены, купеческие лодии тож. Зерно не тронули, соль, что была в верхнем лабазе, тоже не тронута. Часть домов на посаде пожгли. Монастыри, что Зачаевский, что Вознесенский, обошли стороной, хотя отец Александр ворот не запирает и даже сам вышел словом божьим увещевать разбойных.

– Так что, никого животов не лишили? – удивился князь.

– С полсотни положили... Это те, кто добра пожалел... Да сотни две посадских девок и баб молодых умкнули. Потешатся и, может, отпустят, а может, и в Орде продадут.

– Да-а, утерли нос тати шатучие. Впредь умнее будем. А ведь возврататься ещё воры будут... – помолчав, князь продолжил: – Ты вот что, Данило Петрович, сделай так, чтобы утекли из затвора те ушкуйники и твой сыновец с ними. Да накажи ему, чтобы живота своего не пожалел, а известил, когда разбойные назад пойдут. Это очень важно. Одно дело, когда татары жили рвут, другое – свои. Ежели их татаря не побьёт в своих пределах, нам их пропустить никак нельзя. Ушкуйники – это как моровая язва, всю землю охватить может. Так что ты, Петрович, давай-ка, сотвори побег своему сыновцу, пока хлыновцы далеко от Нижнего не ушли.

Глава VI. Сарай-Берке

1

Никто из ушкуйников не проходил так далеко по Волге. Уже минули Укек, где оставили большинство товаров, награбленных в Булгаре, Нижнем Новгороде и малых городах Волжской Булгарии. Только на сутки задержались под Бельджиманом. В город наведальсь не более сотни повольников, и то только для того, чтобы поглазеть на большой восточный базар да на ряды мастерских, в которых трудилось немало ремесленников-полоняников из Руси. Но больше всего ватажников поразил и возмутил рынок, где торговали людьми – полонянами из русских земель, Булгарии, северного Причерноморья, с низовий Дона.

– Может, пограбим купчишек? Вон сколько православных спину на татарву гнёт, а на торгу, где невольниками торгуют, видел, сколько людей в загоне? – подступал к боярину Абакуновичу молодец из Смоленска. Тот тоже остался неравнодушным к пленным, но целью похода был не город торгашей, а город ордынских ханов – Сарай-Берке.

– Города мы не тронем, но невольникам поможем, – решительно произнёс Александр Абакунович и, подозвав сотника Семёна Рваное Ухо, наказал ему: – Возьми из казны тысячу монет, чай, не пообедаем... Найдёшь меня на торгу.

Почти две сотни молодых мужчин, женщин и даже детей выкупили в тот день ушкуйники. Освободили бы больше, да хозяева ремесленников оказались несговорчивыми.

– Ничего, малость потерпят. Будем возврататься, я им их жадность припомню! Радыешеньки будут нам передать работных, – недобро бросил Абакунович в сторону ремесленных мастерских.

Поутру ушкуи вновь заполонили волжскую ширь. С освобождёнными поступили по-божески: дав им несколько ушкуев, еды и денег на дорогу – пустили вольно. С ушкуйниками оста-

лось только пятеро, одним из которых был рязанский боярин Михаил Никодимыч, ходивший в столицу Орды по поручению князя, да на обратном пути пленённый одним из множества блуждавших по степи в поисках наживы татарским отрядом и потому оказавшийся в невольничьем загоне.

– До Сарай-Берке далече ли? – поинтересовался у боярина Михаила воевода Абакунович. Ему страсть как не терпелось посмотреть на столицу некогда единой Золотой Орды, а ныне разделённой усобицами на части.

– Завтра подойдем к месту, где Волга делится. Пойдем по левому её протоку – Ахтубой зовётся, – пояснил рязанский боярин, – а там и седмицы не минует, как будем у Сарай-Берке, или город ещё называют Сарай ал-Джедид²⁶. Большой город. Чтобы его объехать по околице, целый день нужен.

– Да ты что? – удивлённо протянул кто-то из ушкуйников. – Нет таких городов!

– Сам увидишь, – обернулся боярин к неверующему.

Александр Абакунович, не поверив на слово, попросил:

– Расскажи про Сарай, любопытно, да и знать будем, к чему готовиться.

– Я в Сарае всю зиму провёл, много чудес повидал, даже в ханском дворце бывал. Так что... Как я уже поведал, город огромный. Ни стен, ни вала, ни рва нет.

– Да ну-у! – невольно вырвалось у воеводы ушкуйников. – Стольный град и без крепостных стен!

– Татары думают, что нет равных им и не от кого защищать город, – продолжил боярин Михаил. – Весь город от Ахтубы уходит в степь. Ступишь на улицу – прямая, как стрела, широкая, камнем выложенная. А дома тянутся и тянутся, и конца им нет. Только площадями разрываются. Народ в городе живёт всё больше зажиточный: татарские начальные люди, купцы, много ремесленников, также много мелких ханов, а самого главного хана – хана Хидыбека в стольном городе нет. Он вечно кочует по степи, живёт в круглой такой избе, обтянутой шкурами и на больших колёсах. Хотя есть дворец, да какой дворец! – закатил глаза боярин. – Чудодворец! Сам-то невысокий, но раскинулся на площади словно птица, а во дворце всё из золота и серебра. Вода же во дворец подается по трубам, и не только дворца, но и в каждый дом. А всякое там непотребство на улицы не вываливается, как это делается у нас в городах, а выбрасывается в такие ямы, по дну которых течёт вода. Она и выносит всё это куда-то, куда не знаю.

Михаил замолчал. Молчали и окружавшие его ушкуйники. Слишком потряс их рассказ рязанского боярина: во всё услышанное верилось с трудом.

– И как тот город охраняется? – поинтересовался Абакунович.

– Только на пристани да в городе базарные сторожа. А у именитых людей своя охрана.

– Так войска в городе нет? – оживился воевода ушкуйников.

– Войско за городом, в степи. Воины живут родами, кочуют. Их хан призывает только на время похода.

– А заставы на подступах к городу стоят?

– Нет, только ямы. Это такие небольшие поселения, где меняют лошадей ханским посланцам, – пояснил рязанский боярин. – Когда я плыл в Сарай-Берке, насчитал их шесть, стоят по берегу Ахтубы.

– А ну, упредят...

– Могут, – согласился Михаил Никодимыч. – Но у тебя вон сколь молодцов. Пошли наперёд. Поди, управятся. На ямах по пять десятков татар-воинов да конюхов десятка три.

²⁶ Сарай ал-Джедид – буквально «Новый золотоцветный город» – столица Золотой Орды, основанная ханом Берке в 1260 году в низовьях Волги.

Рязанец ещё долго рассказывал про столицу Орды, но Абакунович его не слушал. Хотя до места, где Волга делилась, было плыть ещё немало, от головного ушкуя в сторону ближайших судов понеслись лёгкие челноки, унося распоряжения воеводы.

Ярослав сидел на корме ушкуя и отстранённо глядел на серебрящуюся на воде лунную дорожку.

«Как переменчива ко мне Судьба. Словно играет со мной, – размышлял он. – Только недавно ходил по Нижнему: богат и славен. Подумывал осесть в стольном граде, обзавестись семьёй, даже присмотрел девицу – хороша, молода, пригожа – младшая дочка купца Саввы Куцего. А вот не заладилось: оказался в земляной тюрьме. Сам дядька Данило и определил сюда по-родственному... А через четыре дня, только ушли разбойники хлыновские от города, ночью кто-то опустил в поруб лестницу и торопливо проговорил:

– Идите к башне, что на Стрелицу глядит. Там на стене веревка – крепкая, не сумлевайтесь. По ней выберетесь из города. Ну, а лодию сами добудете. Вон их сколь под берегом. Ваши-то недалече ушли. С божьей помощью догоните. Ну, прощевайте.

Всё сделали, как посоветовал неизвестный помощник: и по городу тихо прошли, и стену преодолели, и купеческой баркой завладели... На следующий день догнали ушкуи, а дальше что? Что делать? Думал, что сослужу службу великому князю и заживу своей жизнью... Ан нет! Вяжет меня Судьба с ушкуйниками. Вон как далеко забрался... Но не сотоварищи они мне, не лежит душа к их промыслу. Похваляются, что много людишек под Нижним положили... Своих же положили, православных! Чем тут похваляться?.. И полон взяли. Правда, полон тот вскоре пустили вольно... Но девок, не всех, отпустили, несколько до сих пор на ушкуйах маются. А в Бельджимане вон сколь полона выкупили, денег не пожалели... Не понять».

Ярослав вздохнул тяжело и, обернувшись плащом, что купил в Укеке, смежил веки. Но сон не приходил. То ли мешал шум, доносившийся с берега, где трапезничали ушкуйники, расположившись возле костров, то ли думы тревожные.

«Почто Данила Петрович определил меня в поруб? Не по своей, поди, воле. Тогда зачем? И из земляной тюрьмы вызволил кто-то не по прихоти ли воеводы княжеского, а может, и самого Дмитрия Константиновича? Зачем я здесь, среди ушкуйников? Упредить, когда возврататься будем? Так упреждай, не упреждай, а захотят повольники город взять, ничто их не остановит. Сам не раз видел, как воеводы молодцев учили рвы, стены быстро преодолевать. Любо глянуть как ловко забрасывают молодцы арканы на стены, как взбираются по лестницам, как мечут стрелы и болты из луков и арбалетов. А коли наука ратная кому не даётся, того ждёт весло да заготовка дров для костров на стоянках да приготовление еды... Но обиды в том нет – ведь добыча вся поровну делится, разве что у воевод доля большая, так на то они и воеводы...»

Ярослав вызвался охранять ушкуй и теперь маялся. На соседних-то ушкуйах сторожа уже угомонились: похрапывают себе, а ему невмочь.

«После Нижнего Абакунович на меня смотрит косо. Видно, жаль боярину добра утраченного. Хотя и взял в личную охрану».

2

К Сараю-Берке подошли ранним утром. Молодцы с трёх ушкуйев, числом шесть десятков, высадились на берег за две версты до города, и когда ушкуи подошли к пристани, со сторожами было покончено. Появление более чем двухтысячной ватаги ушкуйников на улицах города явилось для столичных жителей большой неожиданностью.

Шли молча, позвякивая оружием и доспехами, не заходя в дома, хотя особенно роскошные притягивали алчущие богатства взгляды ватажников. Но воеводы наказали идти скопом до ханского дворца и, покончив с охраной, вначале пошарпать его.

Как рассказывал боярин Михаил, улицы поражали ватажников широтой, непривычной чистотой и протяженностью, а дома – красотой и строгостью. Несмотря на раннее утро, город уже проснулся, неизвестное войско было замечено, и вглубь города ускакали несколько перепуганных жителей. Вернее будет сказать, что вначале ушкуйников услышали – по каменной мостовой топот тысяч сапог слышен был далеко, а потом уже увидели.

– Долго ещё до ханского дворца? – забеспокоился воевода Василий Фёдорович, обращаясь с вопросом к идущему рядом боярину Михаилу. Тот уже изрядно вспотел, дышал тяжело, с натугой – видимо, плен сказывался. Сглотнув подкативший к горлу комок, выдохнул:

– Не прошли и половины пути. Я же говорил, что город за день не обойти.

Александр Абакунович тоже слышал ответ рязанского боярина. По рассказу Михаила Никодимыча представлялось одно, на деле же всё оказалось иным: размеры города и его богатства поражали. Но воевода понял, что забираться в эти пугающие своей прямолинейностью улицы нельзя. Если конница, не дай бог, даже в несколько сотен всадников, ударит, устоять будет трудно и укрыться негде.

– Стой, братцы! – зычно выкрикнул он и, когда ушкуйники сбились в более плотную массу, продолжил: – Этот город настолько огромен и настолько богат, что всего взять нам не под силу, не под силу и унести всё, а увезти тем более! Ушкуи не поднимут... Посему дальше не пойдём! В домах брать только золото, серебро, посуду, ткани. Всё несите к ушкаям. Понапрасну кровь не лейте! Татарвля, хотя и басурмане, в всё же люди... На всё дело время до полудня. В полдень отплываем! Всё! С богом! – перекрестился боярин и махнул рукой.

Это послужило сигналом. Ватага рассыпалась. Городские улицы заполнились криками, грохотом выбиваемых дверей, сабельным звоном. Хозяева многих домов – особенно больших и красивых – держали охрану, и охрана грудью стала на защиту хозяйского добра. Сопrotивление всё больше распяляло молодецкую кровь. Наказ боярина Абакуновича о том, чтобы беречь жизни татар, тут же был забыт. Грабёж вошёл в ту самую неуправляемую фазу, когда руку, держащую меч или саблю, не могли сдержать ни детские крики, ни стенания, мольбы стоящих на коленях женщин.

Воевода Абакунович в окружении полусотни воинов охраны неожиданно поспешил на пристань. Среди ближних к боярину молодцов оказался и Ярослав. На ходу он распорядился:

– Ярослав! Со своим десятком бегом к ушкаям! Собрать всех на пристани, оставив в лодях по два человека. Ждать меня!

Когда Абакунович появился на площади пристани, каменными выступами, уходящими в реку, у которых покачивались на волне ушкуи, почти три сотни молодцов застыли в ожидании.

Оглядев сотоварищей, воевода покачал головой:

– Мало! Ну, даст бог, пронесёт....

Он запрыгнул на каменную плиту, служившую ограждением, и показал рукой на город.

– Там собратья наши мстятся татарве за причинённые обиды Земле русской! Но нам неведомо, сколь воинов в ханском стольном граде, и потому эти три улицы, – указал он рукой, – надобно перекрыть! Взять на ушкаях копьё и сулицы и стоять там, пока последний брат наш не оставит города!

Приказ воеводы был исполнен. Застыл с копьём в руке и Ярослав. Но он так и не понял, зачем это всё? Ведь видел своими глазами, что город беззащитен...

По одному и группами к пристани потянулись ушкуйники, нагруженные награбленным. Чего тут только не было: оружие, поблескивающее драгоценными камнями, инкрустированными в рукояти кривых татарских мечей и в шлемы, сияющие позолотой кольчуги, золотая и серебряная посуда, тюки тканей, мешки с пряностями... Кто-то волок за волосы двух молоденьких девушек, а один вёл под уздцы тонконого красавца-жеребца.

– Коня-то зачем? – вырвалось у кого-то из стоявших в охране ушкуйников.

– Ан нича! Пущай будет!

Гора награбленного добра росла на площади перед пристанью с угрожающей быстротой. Пришедших с добычей в город уже не пускали, а рвущихся к оставленному в домах добру останавливали кого криком, а кого и кулаком. Пришедших воеводы сбивали в десятки, сотни и отправляли на усиление ушкуйникам, перекрывающим подходы к пристани.

– Никак воевода глазду лишился. Там же столько добра осталось, – возмущались ватажники.

Другие, понявшие, в чем тут дело, их просвещали:

– Это у вас мозгов с пригоршню. Гляньте, улицы-то каковы... И сотню нукеров не сдержать! Сметут!

– Что, мы им трёпку ране не задавали?

– Задавали! Да только то степняки были. А здесь воины в доспехи убранные, саблями своими кривыми что молнии мечут, не углядеть... Мы тут с двумя схватились, так токмо числом и одолели. Потому воевода и приказал стеречь улицы. Вас, дураков, жалеючи, от ворога беречь!

Ярослав поразился прозорливости Абакуновича: «Не зря он главный воевода в ватаге ушкуйников. За всех думает!»

На площадь натащили добра столько, что в ушкуи не уместилось. Жаль было оставлять, да делать нечего. И так борта ушкуев чуть воду не черпали. Полон, что привели, пустили вольно. А вот жеребца ещё долго держал под уздцы молодой ватажник, не в силах расстаться, будто от сердца отрывал – до чего хорош был конь!

3

Хан Мюрид был в гневе. Его гордость – столичный город Сарай-Берке разграблен и даже местами пожжён. И кем?! Какими-то разбойниками из улуса Джучи.

Уже второй раз он слышит это слово – ушкуйники. Хан Мюрид уже не раз пожалел, что не приказал обезглавить людишек, разоривших Жукотин. Посланец, что принёс плохую весть из Сарай-Берке, был тут же изрублен. Но гнев кипел, и, чтобы унять свою жажду крови, хан приказал выпустить в загон, где содержали пленных урусов, стаю голодных волков. Только насытившись кровью, он смог осмысленно воспринять то, что случилось в столице. И вскоре из полевой ставки хана Мюрида в Сарай-Берке к визирю Михеду устремился посланник с требованием: немедленно отправить в улус Джучи к великому князю владимирскому Дмитрию Ивановичу посольство с требованием поймать и обезглавить разбойников, учинивших осквернение святая святых – столицы Орды города Сарай-Берке.

Помня о вспыльчивости и жестокости хана, визирь немедленно снарядил посольство во главе с князем Ачихожием. При прощании визирь посоветовал:

– Дойдешь конно до Укека, там водой до Нижнего Новгорода. У князя Дмитрия возьмешь коней и во Владимир. Ежели там нет Дмитрия, иди на Москву. Он там. Отдашь князю послание, а на словах передай, что не сносить ему головы, коли хан ещё раз услышит об ушкуйниках.

4

В Булгаре ушкуйники разделились: большая часть ушкуев пошла в Хлынов, но семьсот ватажников на сорока судах направились Волгой до Твери. Их повёл воевода Василий Фёдорович. Именитому купцу было уже за сорок, и поход на столицу Орды он считал своей лебединой песней. В Новгороде Великом его ждала семья, налаженное дело, а с тем богатством, что покоилось на головном ушкуе, можно было утроить число лавок, лабазов и работников. Теперь главным было дойти до Твери, а там прикупить лошадей и... домой.

В Новгород решил идти и Ярослав. Абакунович поначалу пытался уговорить его зазимовать в Хлынове, но молодец проявил характер, и теперь попутный ветер гнал ушкуи к Нижнему Новгороду.

Василий Федорович вёл караван судов осторожно. Путь до Твери ему был ведом, и потому он обходил встречающиеся на пути города ночами. Почти день простояли ушкуи в затоне за несколько вёрст до Нижнего. Его воевода опасался больше всего. Не те силы были у Василия Фёдоровича, чтобы дразнить великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича еле ползущими от перегруза ушкуями повольников. Сорок ушкуев – не двести. Ватажники поначалу ещё роптали, выказывая недовольство ночными переходами, но здравый смысл возобладал, и они смирились.

На дневной стоянке перед Нижним Ярослав выгрузил из ушкуя свою часть добычи. О том, почему он остаётся, сказал лишь атаману. Тот, будучи сам купцом, понял желание молодого новгородца вернуть якобы находящееся на хранении у купца Тимофея Пущина добро. Спрятав в зарослях орешника добычу, Ярослав налегке отправился в Нижний Новгород. Быть узанным он не боялся. За время похода Ярослав отрастил бороду, нестриженные волосы волнами падали на плечи, да и в плечах от весла и от меча он заметно раздался.

Увидев племянника в горнице, Данила Петрович аж ахнул от неожиданности.

– Да ты ли это? – всплеснул он руками. – Я уж не чаял, когда свидимся... Обнимемся...

Как ни обижался Ярослав на своего дядьку, с лёгкой руки которого он оказался и ведчиком, и в порубе побывал, и разбойной жизни изведаль, а родственная кровь сильна, как сильны объятия родственников.

– Охолонь, не то ребра поломаешь. То-то силушку нагулял. Поход с ушкуйниками, я смотрю, пошёл тебе на пользу.

– Какая польза? Тебе бы токмо шутковать. А ну как голову потерял в походе том...

– Бог с тобой, Ярославушка! В роду-то ты один, почитай, мужик остался. На тебя одного надежда. А что в ратном деле побывал, так то только на пользу. А сейчас в баньку, а потом ужо ко князю в горницу. Вот обрадуется. Дмитрий Константинович охоч до вестей...

– А что ушкуйники под городом, его не заинтересует?

– Напасть готовятся? – встревожился воевода.

– Да нет. Сами в тае сидят, ночи ждут, чтобы пройти мимо Нижнего.

– А-а, ну тогда пусть идут. Главное, чтобы тут остановиться не захотели... Ну так что, в баньку?

Ярослав кивнул.

– И я с тобой. Ломота какая-то в теле... А после баньки повечеряем, тогда уж и в княжеский терем...

Ярослав подумать подумал, но сказать не сказал, что как-то спокойно дядька отнесся к вести, что ушкуйники под городом. «Ну, да ему виднее... Может, я чего-то не знаю...»

Князь Дмитрий Константинович уже был извещён о появлении Ярослава и потому пребывал в нетерпении. Усадив молодца на лавку в харатейной, он спросил:

– Верно, что ушкуйники мирно пройдут?

– Истинно так, вот те крест, – перекрестился Ярослав торопливо. – Повольникам не до добычи, довести бы то, что в Сарай-Берке взяли.

– Как в Сарай-Берке? – вскинулся князь. – Вы что, стольный град Орды воевали?

– Его, государь. И не только его. Прошлись не по одному городу, что на Волге стоят. Надолго запомнит Орда новгородских ушкуйников, – не без гордости проговорил Ярослав.

– Ну и ну, – покачал головой князь. – Ты слышь, Данила Петрович, – обернулся он к воеводе. – В то время, когда Русь выход Орде платит, ватажники сами дань с хана Хидыбека взяли. Чудеса, да и только! Ты вот что, – кивнул князь Дмитрию Ярославу, – подробно, неспешно, обо

всём поведай. А ты, Данила Петрович, распорядись, чтобы пораньше ворота заперли да дружину в готовности держи. Чай, ночь-то не поспят, здоровее будут. А ты, молодец, рассказывай.

5

Не прошло и недели, как к пристани Нижнего Новгорода подошёл караван ханского посла Ачихожии. Посол был грузен телом. На нависающем над поясом чреве посла покоилась пайцза²⁷. Увидевший её, обязан под страхом смерти исполнять волю владельца пайцзы, словно перед ним сам хан Орды.

Ачихожия сошёл по сходням на деревянный настил пристани лишь тогда, когда из ворот города в окружении бояр и воевод вышел великий князь нижегородский Дмитрий Константинович. Приблизившись к послу, князь поклонился и замер, смиренно склонив голову.

Ачихожию это понравилось: князю нижегородскому ведомо, как следует встречать ханского посла.

– Сколько времени тебе надобно, чтобы посадить моих воинов на коней? – вместо приветствия задал вопрос посол.

– Как тебе будет угодно?

– Мне угодно, чтобы до захода солнца у каждого моего воина был конь! – выпятив губу, пренебрежительно ответил Ачихожия.

– Ты хочешь покинуть нас ночью? – не поднимая головы, спросил князь.

– Нет. С восходом солнца... А до того мои воины останутся здесь, у лодок. Пусть принесут еды! А мне поставят шатёр, – распорядился ханский посол.

Уже к полудню табун в три сотни коней был пригнан на волжский берег. Князь Ачихожия осмотрел нескольких и остался доволен. А когда великий князь пригласил посла отведать хлеб-соль в княжеском тереме, Ачихожия сменил гнев на милость и принял приглашение.

Изрядно отведав хмельного мёда в застолье, князь Ачихожия разоткровенничался:

– Не удержится Мюрид на троне великих ханов. В нём не течёт кровь чингизидов, а значит, другие ханы не признают его воли.

– Кто же станет во главе Орды? Может, хан Абдаллах? – подливая в посольский кубок хмельное, заинтересованно спросил Дмитрий Константинович.

– Слаб и этот! Нет. Если кому под силу вернуть великую Орду, собрать все земли воедино, так только Мамаю.

– Кто же это такой? Хан из улуса великого Чингисхана?

– Нет. Он – темник.

– Как темник? Всего лишь темник? – изумился нижегородский князь.

– Темник! Но поступь у него ханская! Поверь, улус Джучи ещё содрогнётся, услышав это имя!

Ночь прошла в сборах. Дмитрий Константинович понимал, что хан Мюрид поскупился, выделив для охраны посла всего три сотни воинов. Одолеть татар под силу и меньшей числом разбойной ватаге, промышляющей в муромских лесах. В лесу главное не количество, а выбранное место и внезапность. Потому он решил послать с послом своих три сотни воинов во главе с воеводой Данилой Скобой. А тот уговорил последовать за собой своего племянника.

– Жизнь – она долгая. Может, знакомство с бельдибеком Ачихожием сгодится. Да и великий князь владимирский Дмитрий Иванович – чай, не последний человек на Руси. Глядишь, и от него что-нибудь перепадёт...

За долгий путь Ярослав и Ачихожия подружились. Несмотря на заносчивый и чванливый вид, посол оказался нрава незлобливого, ума здравого, в посольском чине повидавшего земель

²⁷ **Пайцза** – знак достоинства хана, военачальника, ханского сановника в Монгольской империи. Были деревянные, медные, серебряные и золотые.

немало и потому собеседником интересным. Тем более что обходился он в беседах без толмача. Оказалось, что Ачихожии ведомы языки многих народов, чему Ярослав был немало удивлён. Молодой новгородский купец, являясь благодатным слушателем и хорошим сотрапезником, до того проникся доброжелательством к ханскому послу, что чуть было не проговорился, что и сам побывал в Сарай-Берке вместе с ушкуйниками.

Во Владимире великого князя не оказалось. А так как послу уже изрядно надоело трястись в седле или в возке, что выделил Дмитрий Константинович, то он с трудом сдерживал раздражение, вымещая его время от времени то на своих нукерах, то на воинах нижегородского князя.

Ещё издали, оценив размах каменного строительства Москвы, князь Ачихожия возопил:

– Князю Дмитрию не до ушкуйников! Ему слава хана Берке взор застилает!

На что сидевший в возке напротив ханского посла Ярослав возразил:

– Так он же не видел столицы Орды... Как он может желать того, что ему неизвестно?

– Славы? Можно не видеть столицы, но слышать о ней и впустить в своё сердце змею зависти. Но ты молод и многого не знаешь, а потому помолчи. – Подозвав сотника, он приказал привести коня. Уже сидя в седле, продолжил: – Я хочу, чтобы ты был рядом, когда я буду разговаривать с князем Дмитрием.

– Благодарю тебя, Ачихожия, за честь, но моё звание не позволяет быть рядом с тобой... А кроме того, без приглашения великого князя владимирского я не могу предстать пред его очи.

Ханский посол рассмеялся и, указав перстом в пайцзу, сказал:

– Мне никто отказать не может, ни князь Дмитрий, ни ты, Ярослав. Я хочу, чтобы ты увидел, что князь московский – трава под копытами моей лошади. Так что садись на коня и следуй за мной.

Великий князь владимирский Дмитрий Иванович не вышел за пределы городских стен, чтобы встретить посла хана Мюрида, чем ещё больше раззадорил Ачихожия. И когда тот в сопровождении юзбашей²⁸ вошёл в палату только что построенного княжеского терема, пелена гнева застлала ему глаза. Он видел перед собой только невысокого, раздетого в парчу восемнадцатилетнего отрока, а рядом с ним маленькую хрупкую девчушку.

Разом утратив посольскую сдержанность, князь Ачихожия разразился потоком брани:

– Как ты, червь, недостойный даже зреть носителя ханской воли, посмел не встретить меня достойно моего звания и чина?! Лучезарный Сын Неба великий хан Мюрид дал мне право карать и миловать! Он вложил в мои уста свою волю. Неуважение меня – это неуважение великого хана!

Не ожидавший такого начала, князь Дмитрий разом сник. Загодя упреждённый своим тестем – великим князем нижегородским Дмитрием Константиновичем, он готовился к своему первому приёму посла – как поприветствует, что скажет в своё оправдание, как вручит подарки хану и его послу, а вместо этого – брань и угрозы. Стоявший позади него епископ Алексей попытался защитить своего воспитанника, но князь Ачихожия не дал раскрыть ему и рта.

– Великий хан в гневе. Русичи посмели взять на копьё Булгар и ещё семь малых городов. Они пограбили Сарай-Берке, чем оскорбили великого хана, и только кровь нападавших можешь смыть это оскорбление! Хан Мюрид даёт тебе два месяца. Если он услышит ещё раз об ушкуйниках, то не пощадит никого в улусе Джучи! Выход же заплатишь в два раза больший. Так повелел хан. За грамотой, что я привёз тебе от хана, придёшь завтра после полудня в мой шатёр! – и, резко повернувшись, князь Ачихожия стремительно вышел из палаты. Сопровождавшие его воины, в том числе и Ярослав, едва поспедали за разгневанным послом.

²⁸ Юзбаша – сотник в конном войске Золотой Орды.

В палате нависла тишина. Никто не ожидал такого от ханского посла. Все: и князь Дмитрий, и митрополит Алексей, и московские бояре – лихорадочно думали, что же такое предпринять, чтобы унять гнев ханский, не допустить Мюрида на Русь и как наказать ушкуйников, навлекших беду.

Накануне приезда посольства пришёл ответ новгородских бояр на гневное письмо великого князя владимирского. Они писали: «...ходили молодые люди на Волгу без нашего слова, но купцов твоих не грабили, били только басурман».

Вроде бить басурман само собой разумеющееся дело, а что за этим может последовать, то их не касается.

– А вот тот молодец, что стоял справа от посла, видимо, и есть Ярослав сын Тихона Семёновича – купца новгородского, о нём писал князь Дмитрий Константинович, – нарушил затянувшееся молчание епископ Алексей, обращаясь к великому князю владимирскому Дмитрию. – Надобно поспрошать его. Парень, видимо, не промах, коли и ушкуйников улестил, и твоего тестя, и ханского посла.

– Велю позвать, – встрепенулся молодой князь. – Пусть ноне в вечер приведут. И ты, радость моя, – обернулся он к княгине Евдокии, – то ж приходи. Батюшка Дмитрий Константинович писал, что очень занятный молодец. Красен, словом, и умён не по годам. А пока оставь нас. Мне с боярами совет держать.

Вечером в горенку, где по лавкам расположились князь с княгиней, ближние бояре, воеводы и епископ Алексей, привели Ярослава. Он поясню поклонился великому князю, а увидев епископа, встал на колени:

– Благослови, владыка...

Князю Дмитрию Ярослав глянулся: лицо чисто, бело, взгляд голубых глаз открыт, бесхитростный, волосы, перехваченные кожаной лентой по лбу, падают на плечи словно у девицы, от внимания к нему его щёки зарделись.

– Садись, – указал Дмитрий на лавку, стоявшую против него, – разговор у нас долгий. – И когда Ярослав присел, – князь продолжил: – Ты поначалу расскажи, что князю Дмитрию Константиновичу сказывал про поход ушкуйников на Сарай-Берке.

Рассказ поразил слушателей. Один из воевод, не раз ходивший по молодости в походы на болгар, первым нарушил воцарившуюся тишину:

– Не верю! Прости, князь, но поверить в то, что две тысячи ватажников взяли на копьё Булгар... Не верю! Я сам ходил к тому городу... стены повыше московских будут, и воинов на стенах, чай, поболее, чем у ушкуйников... А Сарай-Берке?! Да там тьма народу...

– Да-а, – выдохнул епископ Алексей. – После того как пять лет тому ушкуйники взяли Жукотин, тоже не верилось, как пожгли Кострому и Нижний – тоже сомнения были. А ноне не до сомнений. Надо думать, как с этакой-то напастью справиться.

– Дозволь, государь, – с лавки поднялся боярин Савва – дородный, медлительный, словно медведь по осени. – Думаю, надо идти на Хлынов. Там разбойники осели, там их и брать. Что скажешь на то? – обернулся он к Ярославу.

Молодец поднялся, поклонился князю, и когда тот разрешающе кивнул, заговорил:

– В Хлынове лишь часть ушкуйников. После похода в Орду малая толика пошла в Новгород Великий, кто-то ушёл в Смоленск, Ярославль, да и по малым селениям разбрелись до нового похода. Хлынов же взять будет непросто: стены хотя и не каменные, но сработаны крепко, на совесть, а кроме того, у ушкуйников много орудий, мечущих огонь, стрелы железные, огромные, пробивающие насквозь всадника и пешего воина в кольчуге. И сами ушкуйники все в кольчугах и бехтерцах, и мечами, копьями владеют не хуже дружинников. Я в Хлынове осень и зиму прожил, повидал всякого. Одно скажу: воинскую науку там познают охоче, а кто ленится, тому её вбивают кулаком. Сотники учат и пешему строю, и конному.

– Делать-то что будем? – подал голос князь Дмитрий. – Хан долго ждать не будет.

– Дозволь, великий князь? – поднялся со своего места сотник Данила Скоба, пришедший вместе с племянником. – Хана Мюрида опасаться не след. За ним мало родов, а посему и сил маловато. На поход не достанет. Ушкуйников же так просто не взять. Надо ждать пока в новый поход соберутся. Ясное дело – в Хлынове сойдутся, здесь их и брать. Но воинов надобно немало. Сам видел, зброя у ватажников не чета нашей – арабами сработана, легка, крепка да и оружны не хуже дружинников. Думается мне, что надо ждать весны.

– До весны-то ещё вон сколь времени...

– А мы, князюшко-батюшко, подарков дадим хану Мюриду. Им он будет рад безмерно, раз не очень силён. А до весны времени много... – вкрадчиво посоветовал кто-то из бояр.

Князь Дмитрий обвёл взглядом просветлевшие лица советчиков и решительно произнёс:

– Ответ хану писать! Подарков дать и ему, и послу! За ушкуйниками доглядчиков снарядить, чтобы знать, что деется в Хлынове! Купцов же и бояр новгородских обложить двойной данью, дабы впредь не хитрили и своих молодцов держали в строгости! А тебе, – обратился он к Ярославу, – за службу моему тестю жалую коня под седлом и меч, кованый свеями. И конь хорош, и меч тоже. Придёт время, мне послужишь!

Часть II. Великое княжество нижегородское

Глава I. Ярослав

1

И снова Нижний. Ярослав не единожды и не без смеха вспоминал свой обратный путь с ханским послом.

Ачихожия был доволен своим посольством: князь Дмитрий Иванович заверил, что с ушкуйниками будет покончено, о чём написал в грамоте хану Мюриду, нагрузил два воза подарков, один из которых предназначался послу. За время пути тот не раз возвращался к великокняжескому приёму, кривил лицо, изображая Дмитрия московского, и потешно тряс своей хилой бородёнкой, подражая владыке Алексию, причём сам хохотал больше всех.

Прощание на волжском берегу было трогательным. Князь так проникся к своему молодому спутнику доверием и любовью, что даже прослезился. Перед тем как ступить на сходни, он строго наказал:

– Год тебе даю. Не женишься, сам девку привезу. У меня дочерей пятеро. Красавицы, все в меня...

– Что, такие же пузатые? – улыбнулся Ярослав.

– Да нет. Худые, словно жерди. На Руси говорят про таких – стройные. А в меня... так это глаза у них зелёные, как и мои, – пояснил Ачихожия.

– А как же ты узнаешь, обзавёлся я женой или нет? – всё так же улыбаясь, поинтересовался молодец.

Неожиданно посол напыжился и, ткнув перстом в висевшую на груди пайцзу, выкрикнул:

– Велю! Тебе, князь Дмитрий, велю: доведи весть – обзавёлся девкой Ярослав или нет!

Князь согласно кивнул и тоже рассмеялся:

– Люб ты, Ярослав, послу ханскому. Что о сыне печётся...

– Верно говоришь, князь, – обмяк голосом Ачихожия. – Нет сыновей у меня. Некому табуны передать, дом в Сарай-Берке, дворец в Каракоруме, рудник, одних мастеровых три сотни. Род мой древний, да источается на нет. Пойдём со мной, богат будешь, знатен... – предложил Ачихожия Ярославу.

Не ожидав такого поворота дела, тот несколько растерялся. Видя это, князь Ачихожия, положив руку на плечо молодца, тихо, чтобы было слышно только ему, проговорил:

– Не тороплю, подумай... Придёшь в Сарай-Берке – приму как дорогого гостя, – и, неожиданно для всех: и для ханских нукеров, и для великого князя нижегородского, и сопровождавших его бояр и воевод, приник щекой к крутому плечу Ярослава.

Уже позже, после отплытия посла, в разговоре с воеводой Данилой Ярослав заметил:

– А ведь Ачихожия не татарин. Он мне как-то сказывал, что род его в Северном Китае пребывает, а пращурь пришли из Самарканда.

– Так что с того? Татарин... не татарин... Враг он нам... и мысли свои насчет породниться с бельдибеком из головы выкинь! Не погань кровь новгородскую! Достанет с нас и князей да бояр, что жён из Орды привели. А добра тебе и здесь за глаза, – провел рукой по лбу воевода и уже совсем по-отечески закончил: – Князь собирается в Суздаль на крестины внука-первенца, поезжай-ка и ты с ним. Умелый меч в охране пригодится.

Во Владимире остановились лишь на ночь. Там князь нижегородский узнал, что Дмитрия московского на крестинах не будет, занят строительством крепости, чем был несказанно огорчен и путь до Суздаля провёл в молчании.

Евдокия, лишь увидев отца, радостно завизжала и повисла у него на шее, но, видимо, вспомнив о своём нынешнем положении – великая княгиня и мать, – отстранилась и поклонилась отцу в пояс.

– Поздоров ли, батюшка? Поздорова ли матушка? – нараспев спросила она.

– Здоровы, здоровы все. Ты-то как? Как мой внук? – радостно воскликнул князь, пристально оглядев сопровождавшую княжну толпу бояр и боярынь. – Внук-то где? Неужто не вынесли младя деда встретить?

– Только уснуло дитяtko, – ласково проворковала Евдокия и, взяв отца за руку, повела его в терем. Проходя мимо Ярослава, кивнула ему как старому знакомому. Это не укрылось от взгляда князя Дмитрия Константиновича. Уже в сенях он требовательно спросил:

– Откель тебе ведом мой гридь?

– Ярослав-то? Так был на Москве с послом ханским. С Димитрием разговор имел... А тебе на что знать?

Князь ничего не ответил, но подумал: «Везде успел молодец. Знать непрост... И ушкуйникам сотоварищ, и послу ханскому в душу запал, и князю московскому угодил... Ох, непрост!»

Гридей разместили по избам купцов и боярским теремам. Ярослав оказался в тереме боярина Нила Семёновича. В первый же день нос к носу молодец столкнулся с миловидной быстроглазой отроковицей. Разглядеть толком не успел, но отметил большие насмешливые глаза и улыбочивый рот. А через несколько дней уже в церкви во время обряда крещения он увидел её среди бела дня и рассмотрел во всей красе. Девушка ему понравилась: лет пятнадцати-шестнадцати, невысокая, в шубейке из тиснёной кожи, отороченной куньим мехом, также отороченной мехом шапочке-кутафейке, красных сапожках, она выглядела старше, строже. А позже, когда сидели за праздничной трапезой, на которую был приглашён и он, Ярослав увидел девушку среди окружавших великую княгиню Евдокию боярынь и боярышень.

– Кто это? – не утерпев, с вопросом обратился он к сидевшему рядом суздальскому купцу Никодиму. Проследив взглядом, куда уставился молодец, купец, усмехнувшись, пояснил:

– То Ростислава – дочка боярина Нила Семёновича. Девка бойкая, озорная. На выданье и от женихов отбою нет, а всех гонит. Да не просто за порог выставляет, а ещё и высмеивает... А что, глянулась?

Ярослав покачал головой.

– Вижу, что глянулась. Девка базенькая²⁹. Но тебе, молодец, её не достать. Высоко сидит... боярышня.

Всё застолье Ярослав не сводил глаз с Ростиславы. Та тоже... нет, да и стрельнёт взглядом в молодого гридя. А когда пир подходил к концу, к своему столу Ярослава подозвал князь Дмитрий Константинович. Показав, чтобы молодец наклонился, он негромко проговорил:

– Завтра в путь-дорогу. Но ты останешься в Суздале, а поедешь с поездом княгини Евдокии... до Коломны. Там у меня старшая дочь Мария за боярином Вельяминовым. Передашь от меня подарки: и дочери, и её мужу. Данила Петрович говорил, что ты хочешь в Новгород наведаться. Дело в Коломне сделаешь и поезжай к батюшке. А подарки у боярина Никиты возьмёшь, всё приготовлено.

Отпустив Ярослава, князь склонился к дочери и что-то ей сказал, кивнув в сторону ухившего молодца. Княгиня улыбнулась и тут же подозвала Ростиславу, стоявшую позади её

²⁹ Базенькая – красивая.

кресла. Евдокией было произнесено всего несколько слов, но от них боярышня зарделась и радостно закивала.

До позднего вечера простоял Ярослав на крыльце боярского терема в ожидании девушки, терзаясь мыслями и сгорая от нетерпения. Уже свет в оконцах начал гаснуть, а девица так и не вернулась с княжеского застолья. Каково же было удивление молодца, когда Ростислава выскользнула из входных дверей терема.

– Чай, ноги-то отморозил? – зазвенел колокольцем голос. – Чего молчишь? Никак от холода язык онемел? Иди в сени, погрейся, – и девушка, схватив Ярослава за руку, потянула за собой. – Только тихо, – прошептала она. – Я еле дождалась пока нянька уснёт, сбежала, а сторож добрый, сам двери отпер.

Получилось всё как-то само собой: лишь только Ярослав шагнул в тёмные сени, как оказался прижатым спиной к стене. Боярышня без лишних слов, обхватив голову молодца горячими ладошками, припала к его губам. Ярослав, не ожидая такого от девушки, задохнулся.

– Доню! Доченька моя! Ростисла-вуш-ка-а-а! – донёсся из глубины сеней женский голос.

– Вот старая... и тут меня нашла, – огорчённо выдохнула боярышня, отстраняясь от Ярослава. – Ты завтра, после того как великий князь Дмитрий Константинович отъедет в свой Нижний, за холодную кладовую приходи. Жди там. Я приду, коли от нянюшки сбегу, – и Ростислава, прильнув к молодцу, игриво укусила его за подбородок. Хихикнув своей проказе, она бесшумно растворилась в темноте.

«Вот так недотрога!» – глубоко вздохнул Ярослав, потихоньку покидая сени. Но как только он затворил за собой дверь, тут жебрякнул железом запор. В тишине это прозвучало настолько неожиданно, что молодец вздрогнул: «Дела-а! Слово сторож рядом стоял... А может, так и было? В сенях темень-то хоть глаз выколи...»

В эту ночь Ярослав так и не сомкнул глаз. Ему не верилось, что юная проказница сама выбрала его из многих. Вот только что с того? Она боярышня, а он – простой гридь в княжеской дружине, хотя нет, он – купец. Боярышне же не быть купчихой, а купцу – боярином!

Днём, после суматошного отъезда великого князя, Ярослав поспешил к срубу, стоявшему в глубине двора, именовавшемуся холодной кладовой. Почти до вечера прождал он Ростиславу, но та не пришла. А на вечере от дворовых он узнал, что княгиня поутру отправляется в Москву.

«Как же так? Уже завтра! А Ростислава? Я даже не перемолвился с ней и словом! – лихо-радочно забила мысль. – Как вызвать её на слово?»

Наконец, решившись, он подошёл к вертлявой девице, виденной им во внутренних светлицах терема. Вложив ей в ладонь медную монетку, тихо спросил:

– Ты боярышню увидишь?

Та, быстро сообразив, что к чему, кивнула.

– Передай ей, что я завтра уезжаю и хочу проститься.

Девица, округлив глаза, прошипела:

– Боязно! А ну дознается кто... не жить мне!

– Не дознается, – и Ярослав вложил ей в ладонь серебряную монетку. От такого богатства девица не устояла, и шепнув: «Пожди», скрылась за дверьми трапезной.

Вскоре она вернулась, и по её сияющей мордашке Ярослав понял, что просьба дошла до Ростиславы.

– Боярышня велела передать, чтобы ты уезжал с легким сердцем.

– И всё? – удивленно протянул Ярослав.

– Всё! – поджала плечи девица.

– Может, в горенке нянька её была? – не поверил в услышанное молодец.

– Да нет же, одна-одинешенька. Ну, будет с тебя! – нахмурила брови девица. – Мне недосуг! – сердито буркнула она и мышкой юркнула в приоткрытую дверь трапезной.

Сборы санного поезда великой княгини Евдокии не заняли много времени, и ещё до полудня двинулись во Владимир. Дорога между Суздалем и стольным городом была ведома, накатана, лошади бежали резво, и ещё до закрытия ворот на ночь поезд въехал в город.

В пути Ярослав был хмур, с московскими дружинниками не разговаривал, хотя те не раз обращались к молодцу с вопросом: «Откуда у простого гридя конь, на котором впору сидеть лишь князю?»

Во Владимире расположились в княжеском тереме. Дружинникам отвели место для ночлега в левом пристрое.

Приезд великой княгини ожидали, и потому в горницах было жарко натоплено, в коридорах стоял манящий запах жареного мяса и хмельного меда. Владимирские бояре и купцы ждали, что княгиня пригласит их на пир, ведь крещение княжича – праздник, но Евдокия только вышла на высокое резное крыльцо и при свете потрескивавших смоляных факелов лишь поблагодарила лучших градских людей за верную службу великому князю Дмитрию Ивановичу.

Перед тем как отойти ко сну, Ярослав отправился на конюшню, чтобы проверить, хорошо ли ухожены его конь и две заводные лошади. Там-то его и отыскал служка дворовый, посланный огнищанином³⁰ княжеского терема боярином Семёном.

– Государыня кличет!

Ярослав поспешил в терем. Пройдя на княжескую половину, тут же был остановлен двумя дюжими дружинниками.

– Куда? – преградили они путь. – Никого впускать не велено!

– Княгиней зван.

– Нам неведомо! Стой здесь! – распорядился один из дружинников и куда-то ушёл. Вскоре вернулся с боярином Семёном.

– Пойдем со мной, – кивнул огнищанин. Миновав несколько дверей, он остановился перед низенькой дверью. – Проходи. Жди! – ткнул он перстом в проём. – И не балуй! Чай, не у себя в гридницкой...

Горенка была небольшой – об одно окно. Ярослав огляделся: вдоль стен – лавки, у окна – резной стол, возле него два столбца, на столе в чаше масляный светильник, в красном углу – маленькая икона.

«Зачем позвала княгиня? – терялся он в догадках. – Да так поздно?»

Ожидать пришлось недолго. Вскоре дверь скрипнула, и через порог шагнула, судя по одеянию, женщина. Разглядеть, кто это, из-за тени, падающей от широкоплечего Ярослава, было невозможно, и он, памятуя, кто его позвал, склонился в поклоне.

– Государыня... – взволнованно произнёс Ярослав.

– Так-то лучше... Уже государыней кличешь, – озорно зазвучал над склоненной головой такой знакомый и желанный голос.

– Ростислава...

Молодой гридь опустился на колени и обнял девушку за талию.

– Ты ли это? – ещё не веря в своё счастье, растерянно произнёс Ярослав.

– Конечно, я! А может, ты ещё кого-то ждал? – рассмеялась девушка. – А ты думал, что так просто от меня сбежать? Нет! Я тебя выбрала! И теперь ты мой! Только мой и ничей больше!

– А как же Нил Семёнович? Не отдаст ведь за меня...

– Батюшка мне не указ! – заявила Ростислава. – С тобой в Коломне останусь. Возьмёшь в жёны?

³⁰ Огнищанин – боярин, ответственный за всё течение жизни княжеского двора.

– Как же без родительского благословения? Проклянёт ведь Нил Семёнович... Как в грехе-то жить?

– Эх ты! – Ростислава отбросила руки молодца со своего стана. – А я думала, что любя тебе! Готова из родительского дома за тобой пойти...

– Да я жить без тебя не могу...

– Молчи уж, – отшатнулась от всё так же стоявшего на коленях молодца Ростислава. – Зрела коня твоего: хорош конь, добрый, горячий, кровей знатных, да седок на нём не тот... Княгинюшка сказывала, что ты купец. А купец – он и есть купец. Прощай, – дрогнула голосом боярышня. – Не ищи встреч со мной. Не трави душу! – и, всхлипнув, выбежала за дверь.

2

Путь до Коломны для Ярослава был мучителен: Ростислава не показывалась из своего возка, и даже на ночных стоянках ему не удавалось её увидеть. Только в Коломне во время встречи сестёр – Марии и Евдокии – Ростислава промелькнула среди окружения великой княгини.

Ярослав не раз задавался мыслью: для чего с подарками к старшей дочери князь Дмитрий Константинович направил его, ведь с этим делом вполне могла справиться и сама Евдокия или кто-нибудь из сопровождавших её бояр. Видимо, здесь не обошлось без вмешательства самой великой княгини, счастливо пребывающей в браке. Судя по холодному прощанию, Евдокия была в курсе отношений молодых людей и явно не одобряла поведения новгородца. Во время прощания она сказала:

– Я отпишу батюшке, что его поручение исполнил. Знаю, ты хотел в Новгород. Теперь тебя ничто не держит. Поезжай. С собой не приглашаю, дорогу найдёшь сам. А теперь прощай!

Ярослав ещё день протолкался на дворе боярина Вельяминова в надежде встретиться с Ярославой, но этого не произошло.

Утром санный поезд великой княгини покинул Коломну. Ярослав проводил его до околицы, а вскоре и сам отправился в путь. Правда, его отговаривали: в одиночку передвигаться по дорогам было опасно – шатучих татей расплодилось, что мух на скотном дворе, но Ярослав не послушался мудрых советов. За околицей он долго размышлял, сдерживая лошадей, как ехать: через Москву – Волок-Ламский – Тверь – Ярославль или вернуться в Суздаль, а там – на Переяславль и Ярославль. Первый путь сулил надежду на встречу с Ростиславой, санный поезд можно было догнать уже на первой ночной стоянке, но Ярослав выбрал второй путь. Мысль о встрече с боярином Нилом Семёновичем не покидала его с момента размолвки с Ростиславой. И потому он, снедаемый нетерпением, гнал лошадей, пересаживаясь с уставшей на запасную, сам не отдыхая. Лишь во Владимире он дал роздых и лошадям, и себе.

Новгородцу повезло: Нил Семёнович оказался в стольном городе по торговым делам и потому встретил Ярослава как давнего знакомца.

– Я думал, ты до Москвы с обозом дойдёшь... От Москвы-то к Новгороду Великому, чай, ближе, чем от Володимира.

– Всё верно, Нил Семенович. Но путь мой в родимый город Судьба определила, – потупил взгляд молодец.

– Что так? Не томи. Сказывай, – проникся участием боярин. Молодой новгородский купец, а ныне гридь великого князя нижегородского, ему нравился.

Ярослав, собравшись с духом, выпалил:

– Дозволь мне, Нил Семёнович, сватов к тебе заслать. Нет мне жизни без Ростиславы. Думами извёлся...

– Пстой! – прервал молодца боярин. – Это ты к моей младшенькой свататься собрался? – возвысил голос Нил Семёнович. – Да в своем ли ты уме?! Она – дочь боярская, а ты... смерд! Знай своё место!

И, видя, как поникли широкие плечи новгородца, уже спокойнее сказал:

– Приму сватов лишь в том случае, коли сватать сам великий князь сподобится или ты князем станешь. И то решать Ростиславушке. Поперёк её слова не пойду... Старшая дочь любя замуж пошла, и младшенькой такая же судьба уготована.

– Я богат... Ни в чем нуждаться не будет... – начал было Ярослав, но боярин, нахмутив брови, строго сказал:

– Моё слово твёрдо! Другова не будет! А теперь иди с богом!

Словно отхлестали плеткой по голому телу. Каждое слово, произнесённое боярином, жгло.

«Что делать? Ехать ли в Новгород?.. Но что ждёт меня там? – размышлял Ярослав, медленно бредя по Владимиру, никого не видя и ничего не слыша. – Отец писал, что невесту для меня сыскал... Дело за свадебкой... Да на кой мне женка, коли душа горит. Может, приколдовала... Девка бойкая, с неё станется... Вон как сердце болит, а боль сладкая».

Ярослав решил не возвращаться в Новгород. Из Владимира в Нижний Новгород шёл обоз с товаром братьев-купцов Игната и Первуна Мигунов, чтобы по первой воде отправиться вниз по Волге. К ним и напросился в попутчики гридь великого князя нижегородского Ярослава.

3

Обоз полз медленно, с длительными остановками на пережидание метелей и отдых лошадям. Спешить было некуда. Конец марта застал владимирцев на подходе к Нижнему Новгороду. Заскучавший было Ярослав оживился: за последние годы этот красивый город на месте слияния Оки и Волги стал ему близок.

В этот морозный и солнечный день ничего не предвещало беды. Дорога была накатана, чувствовалось приближение города и окончание пути. Как вдруг на одной из остановок на обозников напала ватага разбойных. Мужиков было много: обозлённых, оголодавших, отчаянных. Нанятые для охраны обоза ратники пали первыми, ибо на каждого приходилось по нескольку нападавших. Остальных повязали. Долго не могли справиться с Ярославом, но и того уgomонили жердиной по голове. Пленённых, погрузив на двое саней, повезли в сторону от наезженной дороги. Только поздним вечером остановились в какой-то богом забытой лесной деревушке. Сторожко, по одному освобождая от пут, спустили в поруб. В земляной яме было душно, темно, пахло потом и испражнениями. Видно, место это не пустовало.

Ярослава подташнивало, кружилась голова, было досадно и стыдно, что свои же нижегородские мужики пограбили обоз. В порубе было тесно. Братья Мигуны перешептывались, подсчитывая потери товара, кто-то молился, остальные молчали, каждый, переживая пленение по-своему.

Утром крышку лаза откинули, и в проеме показалась взлохмаченная голова одного из разбойных.

– Прймай питьё!

На веревке в яму опустилась бадейка с водой и деревянный ковшик. Когда ковшик заскрежетал по днищу, бадейку подняли, и крышка с грохотом упала, перекрыв свет.

– И долго нас так держать будут? – спросил кто-то из сидельцев.

– Как сложится, а то и до первой воды, – пояснил Игнат.

Первун его поддержал:

– Как караваны по Волге пойдут, так и продадут какому-нибудь купцу болгарскому. Они первыми на воду становятся. А то и раньше... Подальше от деревеньки отведут и головы посшибают.

– Вот гадьё! – кто-то выдавил сквозь зубы. – Своих же, православных, в полон...

Ярослав смолчал. Он вспомнил, как много полона было продано ушкуйниками на невольничьих рынках Орды. Не забыл он и то, что воевода Абакунович выкупил немало православных в Укеке. Что тому явилось причиной, неизвестно, но своё сегодняшнее положение Ярослав принял как испытание божье, как расплату за содеянное...

Братья Мигуны оказались правы: до середины мая держали владимирцев в порубе, а потом обессилевших за два месяца полоняников вытащили из ямы, помыли, постригли, переодели в чистую одежду, неделю откармливали, а потом, посадив на телеги, привезли на волжскую косу, где уже стоял большой татарский карбас. Только четверых купил купец, в том числе и Ярослава. Остальных же разбойные тут же на берегу побили, а тела побросали в воду. Вскоре Ярослав узнал, что купец Мамек-Ази из Твери, где зимовал, возвращается в Булгар.

Глава II. Булгар

1

Ярослав был разочарован увиденным: по рассказам отца, не раз бывавшего в Булгаре с купеческими караванами, город ему представлялся былинным! А тут – чернеющие островами выжженные улицы, порушенные мостовые... Но когда бредущих вереницей соединённых верёвкой полоняников ввели на улицы, которых не коснулась рука ни соперничавших болгарских князей, ни татарских завоевателей, ни ушкуйников, картины детства, нарисованные воображением, начали проявляться. Он уже видел не один ордынский город в свой поход с сотоварищами-повольниками по Волге, но этот несоизмеримо отличался всем: и домами, и площадями, и людьми. А когда Ярослав увидел дворец, стены которого были украшены синими майоликовыми плитками, то даже остановился, смешав движение. За что тут же был отмечен ударом плети: было не так больно, как обидно – его, новгородского купца, княжеского гридя и ушкуйника, бьют плетью, как раба.

«Почему как раба? Именно раба! – тоскливо ёкнуло сердце. – Теперь уже не до глаз Ростиславушки, самому быть бы живу!»

Полоняников провели через распахнутые ворота внутреннего двора и затолкали в низкие зарешечённые железными прутьями клетки. Поодаль стояло ещё с десятков таких же, в некоторых из них сидели, лежали уныло глядящие на белый свет полоняники.

– Откуда, родимые? – донёсся из соседней клетки голос.

– Из нижегородчины...

– А мы из рязанских земель...

– Почто здесь-то оказались?

– Понесла нелегкая на Хопёр, да нарвались на татарский разъезд, а уж как здесь оказались, и сами не ведаем...

– Давно в клетки сидите?

– Давненько... седмицы три будет. Отощали... Говорят, что купцов с низовой Волги мало пожаловало. Опасаются каких-то ушкуйников... – и чуть погода тот же голос добавил: – Ништо, уже недолго ждать. Слышал, что завтра на торг поведут. Скорее бы уж...

Братья Мигуны, державшиеся доселе отчуждённо, подсели к Ярославу.

– Мы вот что удумали: как начнутся торги, надобно сказаться купцами. Купец купца в обиду не даст, сообразит, что за нас выкуп можно неплохой получить. Ты как на это смотришь? Есть, поди, кому за тебя деньгой поручиться...

– Есть! – кивнул Ярослав. – Да не хочу ведать того никому, стыдно...

– Нашел чего стыдиться. Да в торговом деле чего только не бывает. А тут делов-то всего – в полон угодил. Батюшка наш у половцев в земляной тюрьме дважды сиживал, и ничего... жив-здоров.

– Сам уйду, – боднул головой Ярослав.

– Ну, ну... Бог тебе в помощь! Сам так сам... Только как бы потом пожалеть не пришлось, – и братья отошли в свой, насиженный ими угол клетки.

Ярослав ещё раз оглядел двор, где томились невольники, кинул взгляд на клетку с полонянками, среди которых были и отроковицы по десять-тринадцать лет, и, тяжело вздохнув, решил: «Чего зря терзаться думами. Надо сил набираться... Не зря говорят – утро вечера мудренее, утром и решать буду, как жить дальше». Приняв хоть какое-то решение, стало легче. Ярослав, укрыв голову полой ветхого кафтана, изношенного кем-то и отданного ему одним из разбойных при продаже болгарскому купцу, забылся тяжёлым сном.

Задолго до рассвета полоняники были подняты, напоены, накормлены, умыты. Связав парами, их повели по ещё спящему городу, как оказалось, на невольничий рынок, что располагался за городом, недалеко от пристани. Почти в полдень, когда рынок гудел и покупателями, и продавцами, начались торги. Начали с полонянок: чем моложе были девушки и женщины, тем дороже они стоили. Мужчин продавали и по одному, и сразу группами до десяти человек. Когда на помост вывели Ярослава и раздели до пояса, торг оживился. Новгородец никогда не думал, что его бугрящееся мускулистое тело, горделивая осанка, светлые выющиеся волосы и голубые глаза кого-то могут привлечь, кроме Ростиславы, конечно. А тут началось целое сражение за обладанием рабом. Выиграл «битву» низенький, желтокожий, пронырливый купец. Когда Ярослава свели с помоста и подвели к хозяину, тот, не прибегая к услугам толмача, спросил:

– Ты – воин?

– Был гридем великого князя Дмитрия Константиновича.

– Так я и думал. Тебе повезло, воин. Хан Мюрид не доверяет охрану своих жён и своих сыновей монголам. Рабы надёжнее. У них один хозяин – хан!

Уже позже, когда грузились на большие карбасы, Ярослав услышал: «Берке-Сарай». Не думал новгородец, что придётся ему возвращаться в столицу Орды в железзах, цепью прикованному к кольцу, выступающему из борга судна.

Глава III. Пленник

1

Вниз по Волге да при попутном ветре купеческие карбасы буквально летели, оставляя за кормой пенные дорожки. Купец спешил. В Укеке он узнал, что в Сарай-Берке опять заматня. Хан Мюрид убит, и на трон великоордынского хана сел Азиз.

Купец не повёл свой караван к пристани стольного города. Как только вдоль Ахтубы пошли загородные усадьбы ханских сановников, он выбрал подходящее для стоянки место и причалил. В сопровождении десятка охранников купец отправился в город пешком.

«Видимо, Берке-Сарай уже близко», – решил Ярослав. На стоянке цепи с него сняли, даже руки не связали, и только ноги были обхвачены толстой веревкой за щиколотки. За время

пути он стал бронзовым от солнца и ветра, а чтобы раб не разленился, на стоянках под присмотром охраны его заставляли работать: рубить сушняк для костров, если таковой находился, таскать из карбасов тяжёлые медные котлы для приготовления пищи. Изредка ему вручался изогнутый татарский меч, и он сражался с двумя, а то с тремя воинами охраны, стараясь их не поранить. Купец после схватки всегда подходил к Ярославу и похвально похлопывал молодца по лоснящемуся от пота плечу:

– Хорош урус, хорош воин!

Уход купца в город не предвещал ничего хорошего. Ярослав понимал, что если он не убежит сегодня, то завтра такой возможности может и не представиться. Развязать на ногах путы было пустячным делом – воин, повязавший их, сделал это так, для порядка. За время плавания к молодцу привыкли и уже не замечали. Уйти просто, а дальше что? Как добраться до русских земель. Волгой? Только безумный мог решиться на такое. Степью? Далеко не уйдёшь! И тут Ярослава осенило: «Ачихожия! Вот кто поможет мне! Не может не помочь!»

Но как найти ханского посла в огромном городе? Да и при новом хане удержался ли Ачихожия в своём посольском чине?

Ярослав, снедаемый нетерпением, еле дождался захода солнца. Он быстро освободился от пут и юркнул в прибрежные кусты. Но идти в исподних портах, даже ночью, молодец не рискнул. Ярослав вошёл в воду и водой приблизился к карбасам. Где что лежит, высмотрел ещё давно, и теперь оставалось только выбрать нужные тюки с одеждой и оружием.

«Только бы с обувкой не промахнуться!» – пришла неожиданно мысль, от которой беглец чуть не рассмеялся. Вначале оружие! Руки нащупали завёрнутое в тряпицу... «Кинжал, – определил Ярослав безошибочно. – А это меч, лезвие прямое, наш, русский, в ножнах и с перевязью. А это что? Пояс! Ай да я!» Имея в руках кинжал, вспороть тюк с одеждой было проще простого.

«Надо торопиться! Скоро караванчики сядут вечерять, и тогда меня хватятся! Но уж теперь так просто меня не взять, а кроме того, десятков воинов ушли с купцом... Но всё едино надо спешить».

Ярослав тихо вышел из воды и по песчаной кромке быстро направился вдоль берега, всё дальше и дальше уходя от ночной стоянки купеческого каравана. Сколь прошёл, не ведал, только когда впереди у берега показались костры, он остановился. Оделся, опоясался мечом. Напрасно опасался за обувку, сапоги пришлись впору.

«Теперь ждать! При дневном свете надо осмотреть себя, а потом уже идти в город».

Ярослав не боялся, что язык монголов ему не знаком. Он знал от Ачихожии, что в столице Орды на каких только языках не говорили... Одежда – вот что было самым опасным: кому соответствовало то, во что он был сейчас одет: новгородскому купцу, княжескому гридю или монгольскому сановнику, арабскому купцу, военачальнику или простому воину. Но тогда меч должен быть с лезвием-полумесяцем, а не прямым, как у него.

Придавленный тревожными мыслями Ярослав не заметил, как уснул, и только когда солнечные тучи ласково коснулись щеки, он размежил веки.

«Что ж, штаны тёмно-синие, рубаха белая, полукафтан... Будет жарко, сниму... сапоги без каблуков, мягкие, татарские... Да и бог с ними... Не купец, не воин, не татарин... И так сойдёт. Вот только борода и волосы! За время пути оброс!»

Ярослав на берегу ближе к воде выкопал ямку, подождал, пока она заполнится – лицо отразилось как в серебряном зеркале. Вытащил кинжал. Лезвие наудачу оказалось острым. Путём невероятных усилий, он укоротил бороду и усы, а волосы на голове стянул отрезанной от полукафтана полоской. Оглядев своё лицо в стоячей воде, остался доволен. «Теперь можно и в город!»

Путь оказался неблизок. Только к полудню, обойдя несколько утопающих в зелени за высокими каменными изгородями загородных усадеб ханских сановников, Ярослав вышел к окраине простиравшегося от края и до края стольного ордынского города. Новгородец знал, что город велик, и даже побывал в нём с ушкуйниками, но что он такой огромный, даже представить себе не мог.

«Как же искать в нём Ачихожию?»

Как в русских или татарских городах-крепостях, посадов не было. Только была степь... и уже городские улицы – ровные, мощёные, дома каменные, один на другой непохожие. По рассказам рязанского боярина Михаила Никодимыча и по рассказам ханского посла Ярослав знал, что в Сарай-Берке поставлен православный храм и службу в нём правит епископ Афанасий.

«Вот кто мне поможет!» – решил молодец и уверенно направился по прямой как стрела улице к центру города. Именно там, недалеко от дворца великого хана, была поставлена церковь.

Только ближе к вечеру, изрядно утомившись, Ярослав оказался перед небольшой, но каменной церковью, над чёрной маковкой которой, видимо, покрытой свинцовым листом, в лучах заходящего солнца сиял золочёный крест. Епископа в храме не оказалось, но церковный служка провёл молодца в добротный каменный дом.

Епископ оказался высоким, широкоплечим, с аккуратно постриженной бородой и усами мужиком, облачённым в светло-серую рясу.

– С чем пожаловал, сын мой?! – густым басом рявкнул священнослужитель. – Почто не знаю?

– Благослови, отче, – встал на колени Ярослав.

Осенив крестом, епископ Афанасий положил мощную широкую длань на склоненную голову.

– Встань. Пылью пахнешь... Иди умойся... Проводи, – кивнул он церковному служке.

Наскоро приведя себя в порядок, Ярослав прошёл в покои епископа.

– Издалёка... – не спрашивая, а лишь уточняя, пробасил епископ. – Никак с Руси. С чем пожаловал?

– Из Руси! – склонил голову Ярослав. – Не своей волей я здесь...

– Добре! Садись к столу, вечерять будем. Позже расскажешь.

Уже за полночь новгородец окончил свой рассказ. Епископ его не перебивал. Лишь однажды, когда Ярослав рассказывал о встрече с великим князем владимирским Дмитрием Ивановичем, он уточнил: «А епископ Алексий тоже в беседе участвовал?»

В завершение рассказа владыка Афанасий заверил:

– В деле твоём я тебе помощник. Ачихожию не знаю, но найду, будь в надежде. Ты же иди почивать. Арсений, – позвал он служку, – проводи.

Оставшись один, владыка Афанасий вытащил из сундучка большую тяжёлую книгу в кожаном переплете и, пролистнув десяток страниц, на чистом поле написал киноварью: «А ноне явился ко мне человек из Руси. А в рассказе сказался новгородским купцом Ярославом сыном Тихона и тот купец зело сладословен и удачлив, а судьбу дал Господь ему изменчивую и нелёгкую. А рассказ о нём будет таков: лета...»

2

Сопровождавший Ярослава высокий стройный юноша в лёгком шёлковом халате и таких же лёгких шёлковых шароварах открыл тяжёлую массивную с замысловатым рисунком арабской вязи слов дверь и, склонив голову, пригласил его войти. Широкая мраморная лестница вела наверх. Перила, резные из неизвестного новгородцу чёрного дерева, завершались в рост

человека из розового мрамора женскими фигурами, полуобнажёнными, что несколько смутило не очень сведущего в этом молодца.

Взору открылся огромный, как Ярославу показалось, зал, залитый солнцем, потолок которого поддерживали тонкие колонны. В его центре стоял в белых шёлковых одеждах князь Ачихожия.

Улыбаясь и широко раскрыв руки для объятий, он пошёл навстречу неожиданному гостю.

– Не думал увидеть тебя так скоро! Рад встрече!

Князь обнял Ярослава и расцеловал в щеки трижды по-русски.

– И я несказанно рад. Ты, князь, даже представить себе не можешь, насколько я рад тебя видеть! – дрогнул голосом молодец.

Ачихожия отстранился и, хлопнув Ярослава по плечу, с улыбкой сказал:

– Ты словно ещё больше в плечах раздался... Никак внял моим словам и жениться надумал? Или нет?

– Не до женитьбы мне... Поверь...

– Верю. Здесь жарко, пойдём на крышу дома, там тень, прохлада...

Боковая лестница повела ещё выше, и вот ещё одно чудо: словно в сказочный сад вошёл новгородец. Таких деревьев и цветов он ещё не видел. В тени их широких листьев располагалось возвышение, устланное ковром, на котором стоял низенький столик и разбросано множество подушек, отсвечивающих атласом.

– Располагайся, – повёл рукой князь и, чтобы не стеснять молодца, возлёг на подушки первым.

Как только Ярослав уместился на ложе, вокруг них неслышно заскользили две молоденькие симпатичные девушки, одетые в лёгкие пёстрые одежды, словно диковинные птички. С подносов, которые они держали в руках, на столик перекидывали кубки, кувшин с длинным узким горлышком, невиданные доселе Ярославом фрукты, какие-то кусочки желтоватого цвета с тёмными вкраплениями и ещё множество лакомств.

– Хороши?! – кивнул князь на прислуживающих девушек. – То мои старшенькие: Лика и Айра... Ты не подумай... У меня слуг полон дом, но в знак уважения тебе прислуживают мои дочери.

Ярослав подхватился с ложа и поклонился поясно и князю, и замершим в смущении девушкам.

По тому, как расплылся в улыбке Ачихожия, ему это было приятно.

После того как было воздано по заслугам вино и лакомствам, князь сказал:

– Теперь рассказывай. Раз не за женой приехал в Сарай-Берке, то дело должно быть непростое...

– Всё так, князь. Только не своей волей я в стольном граде ордынском... Привезён сюда в железзах, как раб, да сбежал случаем...

Ачихожия от услышанного аж потерял дар речи: как подносил кубок с вином ко рту, так тот и замер на пол пути.

– Да, да... Хочешь, сниму сапоги... на щиколотках следы кровавые от железа...

– Да как же ты? Кто же так постарался? – только и вымолвил князь.

– Никто! Знать, Господу Богу было угодно...

– Оставь Господа своего в покое, – отмахнулся Ачихожия. – Давай-ка неспешно поведай мне все, что с тобой случилось. А я решу, кто в том виновен.

Ярослав, ничего не скрывая, поведал князю о своих злоключениях, и когда замолчал, Ачихожия, положив на его руку свою, сказал:

– Так я и думал: все беды от баб. Поверь, у меня их пять, три ещё маленькие, но забот от них, а главное, глуму как от табуна кобылиц! Не тревожься, я тебе помогу: и на Руси будешь, и

девка та твоей будет. Я-то уж постараюсь, и ты за себя порадей! К епископу тебе возвращаться не след. К хану Мюриду он был вхож, а хан Азиз до себя никого не допускает.

– А ты-то как? – встревожился Ярослав. – Новый хан – новые слуги...

– Так-то оно так, да не совсем. Всех можно поменять: и сановников, и судей, и военачальников. Только послов нельзя. Посольский чин даётся не по роду и богатству, а по заслугам. Ханы приходят и уходят, а послы остаются. В них нужда большая, потому их никто из вновь пришедших на ханский трон не трогает, – не без гордости поведал Ачихожия. – Поначалу буду из тебя князя делать... – и, увидев, как вытянулось от удивления лицо Ярослава, продолжил: – Хан Азиз небогат, а чтобы бороться с ханом Абдаллахом, вернее, с его, как это на Руси говорят, зятем – темником Мамаем, нужно войско, а значит и много денег. Деньги у меня есть, да и у тебя тоже, отдашь, коли захочешь... Грамоту княжескую куплю, дом... Один из своих отдам... Может, ещё передумаешь да на моей дочери женишься... Не беда, что у тебя женка будет из Руси, у нас можно иметь несколько жен, – пояснил князь. – Остаётся войско. Князь должен иметь воинов, хотя бы сотен пять.

– А это дорого... если купить...

– Дорого. Но покупать мы не будем, разве что охрану тебе и слуг...

– Да зачем мне...

– Князь без охраны и слуг – не князь, – перебил Ярослава Ачихожия.

– А как без войска?

– Войско сам хан Азиз даст, без денег и ещё рад будет, что всего пять сотен занадобилось, – улыбнулся своим мыслям Ачихожия. – Пока живи у меня. Грамота княжеская будет, в свой дом поселишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.